

*С.В. Дмитриев**

**Алексеев и Драгунов:
о личных взаимоотношениях в трудные времена**

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена 200-летию Института востоковедения и 80-летию т. н. «большого террора», самого страшного времени в истории российского востоковедения. Задача исследования — проследить историю взаимоотношений двух великих китайистов, В.М. Алексеева и А.А. Драгунова, складывавшихся на фоне крайне тяжёлого периода истории России.

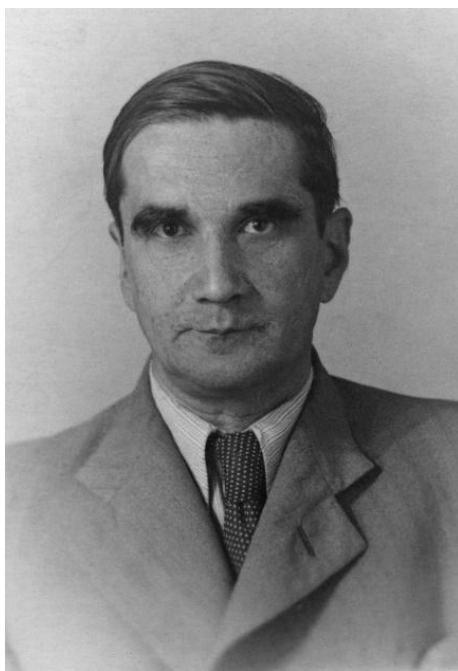
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Алексеев, Драгунов, китаеведение, тангутоведение, история науки, государственный террор.

Наука, которую иногда мы, особенно по прошествии лет, иногда склонны воспринимать саму по себе, как совокупность открытий или ошибочных путей, немислима в отрыве от создающих её людей. Особенно ощутима эта зависимость в немногочисленных, малонаселённых науках (к таковым и по сей день относится тангутоведение; к ним же, вплоть до прихода в науку многочисленного поколения китайистов, получавших образование в конце 1940-х — начале 1950-х гг., относилось и советское китаеведение), особенно в периоды испытаний и потрясений, переживаемых странами и, соответственно, живущими в них учёными.

История российского востоковедения (и, в частности, китаеведения) в советское время на ряде этапов по степени драматизма может поспорить с самыми тяжёлыми и насыщенными страницами мировой литературы. Немало написано о трагедии науки, оказавшейся

* Дмитриев Сергей Викторович, к.и.н., с.н.с. отдела Китая Института востоковедения РАН, доцент кафедры истории Китая ИСАА МГУ, доцент УНЦ «Философия Востока» философского факультета РГГУ. E-mail: sdmitriev@ivran.ru

объектом массового государственного террора — и ещё многое нужно об этом написать. Однако отдельного внимания заслуживают и человеческие взаимоотношения учёных, развивавшиеся на историческом фоне трагедии советской истории — нередко фабула этих отношений оказывала влияние не только на людей, связанных симпатиями и антипатиями, но и на историю науки, которую они создавали. Притом изучение этих взаимоотношений значительно сложнее — ведь дружба, разочарование и предательство — мнимое или истинное — могут быть вовсе никак не задокументированы или остаться только в эфемерных воспоминаниях очевидцев и современников.

А.А. Драгунов

Александр Александрович Драгунов¹ — один из создателей теории современной китайской грамматики и крупнейший специалист по дунганскому языку, учитель **С.Е. Яхонтова** и **М.В. Софронова**, фактически создавший в России современную китаеведную лингвистическую школу.

¹ Здесь и далее: краткие биографические сведения о персонажах, чьи имена выделены полужирным шрифтом, приведены ниже в «Приложении II — Personalia».

тику, начал свой путь в науке во многом благодаря **Василию Михайловичу Алексееву**. В 1925 г. Драгунов окончил этнолого-лингвистическое отделение факультета общественных наук Ленинградского университета, где «занимался китайским под руководством проф. Алексева, тибетским под руководством проф. **Щербатского** и вопросами общего языковедения и экспериментальной лингвистики у проф. **Щербы**» [АВ ИВР РАН. Ф. 152, оп. 3, д. 207, л. 2]. Особо стоит отметить последнее обстоятельство — ведь именно в семинаре Щербы практически формировалось лучшее, что случилось с российской лингвистикой в XX в. Именно там были выработаны передовые представления о функционировании языка, определившие облик не только современного русского, но и мирового языкознания. Как часто бывает в отечественной науке, происходило это на фоне абсолютного господства «нового учения о языке» **Н.Я. Марра** — остроумного, политически идеально своевременного и «прогрессивного», но методологически архаичного — что не облегчало жизнь выпускникам семинаров.

В.М. Алексеев

После окончания аспирантуры, осенью 1928 г., А.А. Драгунов подал заявление о приёме на работу в Азиатский музей Академии наук,

где китаеведение находилось под общим руководством и опекой В.М. Алексеева, в 1923 г. избранного членом-корреспондентом, а в 1929 — действительным членом АН СССР — на тот момент он был единственным синологом в Академии. Драгунов на основании сдельной оплаты работал под началом Алексеева уже в годы университетской аспирантуры (1925–1927), был хорошо знаком ему. Как организатор науки Алексей не мог не быть заинтересованным в китаисте-языковеде (ни сам Алексей, ни его остальные ученики настоящей лингвистической подготовки не имели, да и вряд ли тогда в мире вообще был выбор из настоящих лингвистов-синологов; список из имён Драгунова, **Поливанова**, **Карлгрена**, **Чжао Юаньжэня** и **Ван Ли** — все они, отметим, были почти ровесниками — продолжить довольно затруднительно), и, судя по некоторым документам, вероятно, готовил ему особое поприще.

А.И. Иванов в начале карьеры

Дело в том, что в «хозяйстве» Алексеева был уникальный, богатейший в мире Тангутский фонд, преимущественно сформированный в результате раскопок в Хара-Хото, произведённых в 1908 и 1909 гг. Монголо-Сычуаньской экспедицией П.К. Козлова (подробнее см. [Кычанов 1965, с. 21–40]). Сразу после доставки текстов в Санкт-Петербург ими занялся **Алексей Иванович Иванов** — китаист,

окончивший Восточный факультет годом раньше Алексеева. Уже в 1909 г. им была опубликована поспешная, но крайне важная для истории тангутоведения статья о тангутско-китайском глоссарии «Перл в ладони» (см. [Ivanov 1909]). Статьи последующих лет показывают, что Иванов начал работу с китайскими источниками и исследованиями по тангутской истории, выявил важнейшие тангутские словари и в целом верно понял принцип их составления, определил некоторое количество буддийских памятников фонда и начал их изучение². К 1918 г. у него был практически готов словарь (вероятно, преимущественно на основе «Перла в ладони»)³. Однако жизнь не

А.И. Иванов в последние годы

располагала к научным занятиям. Ещё с 1914 г. Иванов начал консультировать Министерство иностранных дел; с 1920 г. он был при-

² См. [Иванов 1909; Иванов 1911; Иванов 1913; Иванов 1916; Иванов 1918], французский перевод с комментариями Поля Пеллио см. [Ivanov 1920] (в ряде мест отмечена неверная дата — 1921).

³ См. [Иванов 1918]. В 1919 г. словарь был сдан им в издательство Академии наук, но в 1922 г., перед отъездом в Китай, он забрал рукопись и более не пытался её опубликовать [Кычанов 1965, с. 88]. Первый в истории тангутоведения словарь, очевидно, пропал вследствие ареста и расстрела Иванова в 1937 г.

глашён на аналогичную работу уже в советский Наркомат иностранных дел. Паёк дипломата был несравним с профессорским — и в 1922 г. Иванов отбыл в Пекин, драгоманом посольства. В Китае он по мере сил не оставлял тангутоведение — в 1923 г. выходит его большая статья в «Ежеквартальном бюллетене по китаеведению Государственного Пекинского университета» (см. [И Фэнгэ 1923]). Летом 1925 г. его посетил **Николай Александрович Невский**, которому Иванов показал ряд тангутских текстов и словарей, что стало важным шагом в жизненном пути Невского как человека и учёного: тангутоведение из одного из увлечений стало главным смыслом его научной жизни. Впрочем, времени на научную работу первому драгоману всё же катастрофически не хватало (см. [Невский 1960, с. 95]), и, в 1927 г. вернувшись в СССР, А.И. Иванов переехал в Москву и навсегда забросил тангутоведение.

Именно в этой ситуации В.М. Алексееву (ещё в 1920 г. в «Краткой памятке», посвящённой столетию Азиатского музея, отмечавшему важность Тангутского фонда⁴) мог пригодиться Драгунов — для дешифровки тангутской письменности лингвист, тем более владеющий тибетским языком, более чем подходил. Скорее всего, когда стало окончательно ясно, что А.И. Иванов более не считает Тангутский фонд своей вотчиной, к нему был допущен ещё не работавший официально в Азиатском музее Драгунов⁵. Сам он, как кажется, был не вполне согласен с направлением работы, выделенным ему Алексеевым, — в заявлении о приёме на работу Драгунов, описывая свои достижения, вовсе не упоминает тангутскую тематику; он предпочитает говорить об изучении древнекитайского языка и современных китайских диалектов, а также фонетики тибетского языка [АВ ИВР РАН. Ф. 152, оп. 3, д. 207, л. 5]. В справке о научной работе Драгунов

⁴ «Фонд не расшифрованных ещё окончательно письмён имеет исключительное и мировое значение, благодаря многим сотням книг древнетангутского письма династии, называемой в Китае Западной Ся (Си Ся) 1032–1227. Рукописи и ксилографы этого письма, добытые экспедицией П.К. Козлова, — в подавляющем большинстве буддийского содержания, но, по-видимому, в них попадаются и другие сюжеты. Кроме того, одна из ксилограмм содержит сися-китайский словарь, который, по всей вероятности, и явится ключом познания по будущей расшифровке». См. [Азиатский музей 1920, с. 64].

⁵ В заявлении В.М. Алексеева руководству Азиатского музея от 10 октября 1928 г., в котором он просит принять А.А. Драгунова в музей на ставку практиканта, он отмечает, что «за истекший период своими руками (по сдельной расценке) А.А. Драгунов оказал АМ деятельную помощь в каталогизации сисяско-тангутских ксилограмм и рукописей, ища всё время путь к их расшифровке» [АВ ИВР РАН. Ф. 152, оп. 3, д. 207, л. 3].

особо отмечает, что его статья о древнекитайском языке, вышедшая в 1928 г. в ведущем тогда китаеведном журнале «T'oungpao»⁶, получила высокую оценку уже знаменитого Бернхарда Карлгрена [АВ ИВР РАН. Ф. 152, оп. 3, д. 207, л. 1]. Далее в заявлении на имя директора Азиатского музея (тогда этот пост занимал Сергей Фёдорович Ольденбург) Драгунов пишет «могу быть полезным по словарю (об этом ниже. — С.Д.), по дешифрованию, описанию, классификации и т. п. работе над рукописями на языке Си-Ся (Тангутов) и проч.». На заявлении стоит примечание Алексева: «всячески поддерживаю, в особенности уверен, что с его подготовкой дело по расшифровке «сисяских» рукописей, и, следовательно, и по каталогизации их коллекций в Азиатском музее сойдёт, наконец, с мёртвой точки» [АВ ИВР РАН. Ф. 152, оп. 3, д. 207, л. 7].

Итак, Драгунов был принят на работу в Азиатский музей. Видимым результатом работы над тангутской коллекцией стала его, кажется, первая опубликованная в СССР статья — о методах транскрипции в «Перле в ладони» (см. [Dragunov 1929b]). Список из 41 наименования тангутских книг фонда, многие из которых были обнаружены и определены именно им, был опубликован в специальном тангутоведческом выпуске бюллетеня Бэйпинской национальной библиотеки⁷. Трудно сказать, много ли времени А.А. Драгунов уделял собственно тангутоведению — его должны были отвлекать от этого направления деятельности не только собственные научные интересы (среди которых, как мы можем подозревать, тангутоведение не было на первом месте), но и дополнительные служебные обязанности. Дело в том, что несмотря ни на какие особые планы В.М. Алексева, касающиеся Тангутского фонда и работы в нём Драгунова и иные многочисленные научные проекты, главной работой всего ленинградского китаеведного сообщества в то время было составление китайско-русского

⁶ На самом деле эта статья вышла не в 1928, а в 1929 г. (см. [Dragunov 1929a]). Трудно сказать, с чем связана ошибочная дата в заявлении, которая перекочевала в ряд изданий (см., например, [Дацышен 2015, с. 112]), — возможно, Драгунов уже знал, что статья принята в печать, и полагал более выгодным представить её как уже опубликованную работу.

⁷ См. [Dragunov 1930]. Должен отметить, что в ряде мест (увы, в том числе и в нашей собственной статье: см. [Dmitriev 2016, p. 248, note 31]) в информации об этой публикации страницы указаны неверно (с. 367–388) — к собственно тангутскому списку Драгунова в этом случае добавляется аннотированный список, составленный Н.А. Невским (с. 367–372 (2871–2876)), китайское пояснение к списку Драгунова, составленное Ван Цзинжу 王靜如 (с. 379–383 (2883–2887)), и ещё один вариант аннотированного списка, составленного Н.А. Невским (с. 385–388 (2889–2892)).

словаря. А.А. Драгунов был привлечён к этому ещё до своего официального зачисления в Азиатский музей — в заявлении о приёме, помимо прочего, он сообщает, что «около 7½ тысяч карточек мною уже выполнено для АМ в прошлом году» (цит. по [Дацышен 2015, с. 143]). Вряд ли эта нагрузка сократилась после того, как Драгунов из совместителя стал работником Азиатского музея. Словарь, помимо огромной потенциальной научной ценности, был главной защитой В.М. Алексеева и всего созданного им коллектива перед властями, оправданием существования академического китаеведения. Огромная работа велась постоянно — и почти совершенно всеми.

Ко всему прочему, как кажется, в момент приёма Драгунова на работу Алексеев уже предполагал, что тангутской тематикой, возможно, вскоре займётся другой человек, гораздо более близкий ему. Как минимум с 1922 г. Алексеев не оставлял надежд добиться разрешения на возвращение в Советский Союз своего студента Н.А. Невского (на тот момент упирая прежде всего на его исключительную квалификацию япониста, которых тогда в Петрограде не было совсем; см. [Громковская, Кычанов 1978, с. 165–166]). В 1927 г. — как раз тогда, когда к тангутским текстам был допущен Драгунов, — план возвращения стал обретать по-настоящему реальные черты: учёного регулярно навещали коллеги и советские дипломаты, он вёл активную переписку с С.Ф. Ольденбургом (см. [Громковская, Кычанов 1978, с. 167–168]). Вероятно, не последнюю роль в активизации переговоров играло и желание самого Невского — вне зависимости от того, что его ждало на родине (впрочем, друзья и коллеги уверяли его, что жизнь в Стране Советов в целом наладилась), дальнейшее изучение тангутских проблем требовало возвращения в Ленинград, где хранились практически все существовавшие тангутские тексты. После встречи с Ивановым в 1925 г. это с каждым месяцем становилось для Невского всё очевиднее.

Осенью 1929 г. Невский вернулся в Советский Союз. В Японии остались жена и годовалая дочь, которым было разрешено приехать к нему только в 1933 г.⁸

⁸ В личном деле Невского сохранились его многочисленные ходатайства в Ленинградский облисполком, НКВД, лично нарком Карахану и в прочие инстанции о разрешении съездить в Японию в отпуск к семье (первое датировано летом 1930 г. [АВ ИВР РАН. Ф. 152, оп. 3, д. 426, л. 14]). Он объясняет адресатам, что его жене крайне непросто в Японии, где она как жена советского подданного находится в тяжелейшей моральной и материальной ситуации, просит позволить ему поехать в Японию к жене, чтобы «взять её с собою или развестись и взять только ребёнка» [АВ ИВР РАН. Ф. 152, оп. 3,

Н.А. Невский с супругой Ёродзуя (Мантани)
Исо (Исоко) (萬谷イソ, 萬谷磯子) и дочерью Еленой

Для Драгунова возвращение Невского означало отстранение от тангутских вопросов. Нам неизвестны детали, но, судя по всему, Алексеев не считал возможным мешать вернувшемуся Невскому всецело контролировать это научное направление. Вероятно, Алексеев не придавал особенного значения тому, что Невский, в отличие от Драгунова, не был лингвистом в полном смысле этого слова. Его совместная работа с профессором **Исихамой** вряд ли могла дать ему многое, и по методике работы он оставался, прежде всего, культурологом и филологом — что лишало его многих инструментов, которые могли значительно ускорить и систематизировать его работу по дешифровке тангутского письма и реконструкции тангутской фонетики. Однако для того периода востоковеды-лингвисты были ещё в диковинку, и в их особые научные возможности верили немногие.

Гораздо более важным для Алексеева было давнее знакомство с Невским, а также его очевидная принадлежность к дореволюционной науке и жизни. Таких спутников вокруг Алексеева было мало — жизнь заставляла приспособляться даже людей немногим моложе самого академика⁹. Кажется, Драгунов, хотя и был совершенно не

д. 426, л. 10], или хотя бы послать ей денег [АВ ИВР РАН. Ф. 152, оп. 3, д. 426, л. 146]. Все эти просьбы, судя по всему, оставались без ответа.

⁹ Об этом см., например, [Кобзев 2016, с. 332–333, 335].

партийным человеком¹⁰, всё же в целом смирился с произошедшим в стране, умел без заметного насилия над собой использовать в выступлениях и текстах советские клише и, особенно как лингвист (а в этой области советская наука, при всей малочисленности задавленных марризмом специалистов, тогда, в общем, лидировала), не слишком тяготился своим положением советского человека — во многом потому, что тяготиться этим было бесполезно и более верным казалось уйти с головой в работу. Как известно, Алексеев также умел пользоваться советским новоязом, но при этом его отношение к окружающей действительности было вполне однозначным, и скрывать этого, по крайней мере в своём кругу, он не считал нужным. Н.А. Невский, после революции не бывавший на родине, советским человеком никак не мог быть. Эта непривычка к новому положению родины по возвращении сделала его довольно одиноким — помимо немногочисленных дальних родственников, Алексева, **Н.И. Конрада** и **Ю.К. Щуцкого** едва ли не единственным его близким другом был японист **А.А. Холодович**, кажется, приставленный к Невскому ОГПУ (см. [Люди и судьбы. Невский]).

Естественно, «Тангутский проект», который Алексеев по-прежнему считал одним из приоритетных¹¹, был отдан в полное распоряжение близкого и понятного ему человека, специально для этого вернувшегося из-за морей, буквально «с того света» (или, скорее, наоборот, спустившийся ради тангутских книг в преисподнюю). К большому сожалению для науки, Невский, вероятно, не был готов работать над этой проблематикой вместе с Драгуновым, которого он не знал и — как человека другого поколения и другой стилистики — не очень стремился узнать. Не исключено, что могла сыграть роль и печальная традиция «малонаселённого» востоковедения того времени, в котором не слишком принято было разрабатывать тему сообща: каждый стремился закрепить за собой свой «участок». Из формально совместной публикации Невского и Драгунова в бюллетене Бэйпинской библиотеки, о которой мы уже говорили, очевидно, что два соавтора даже не видели текстов друг друга — и потому их списки тангутских текстов, естественно, во многом дублируют один другой¹².

¹⁰ Личное сообщение М.В. Софронова.

¹¹ В 1930–1932 г. отдел новообразованного Института востоковедения, которым руководил В.М. Алексеев, даже назывался Китайско-Тангутским кабинетом (см. [Дацьшен 2015, с. 183; АВ ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, д. 163, л. 51]).

¹² Отметим, впрочем, что, по сообщению К.М. Богданова, инвентарная книга Тангутского фонда содержит следы совместной работы Невского и Драгунова над коллекцией, в том числе взаимные правки и дополнения, —

Это взаимонепонимание очень дорого стоило тангутоведению — можно только предполагать, каких результатов эти двое великих учёных могли бы добиться вместе.

Вероятно, всё это не добавило сердечности в отношения Алексева с Драгуновым — но он и раньше не входил в «ближний круг» академика. Стилистические различия двух учёных были слишком очевидны — хотя, конечно, именно советская действительность делала их столь контрастными.

Впрочем, Драгунову было чем заняться. Помимо продолжающейся работы над словарём, с 1930 г. он становится секретарём вновь созданной временной Комиссии по латинизации китайской письменности, главой которой был утверждён Алексеев (см. [Дацышен 2015, с. 194–195; АВ ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, д. 163, л. 64]). Эта работа, для главы комиссии¹³, возможно, бывшая ещё одной обязанностью, навязанной сверху, для Драгунова была, без сомнения, более чем интересна: для лингвиста его склада и школы идея перевести китайские языки на письменность, способную адекватно передавать их звучание, была понятна, близка и заманчива. Он с головой погружается в работу: с 1930 г. входит в Дальневосточный комитет Нового алфавита, проводит в командировках по 5 месяцев в году и более с целью изучения китайских диалектов Дальнего Востока и дунганских диалектов (см. [Дацышен 2015, с. 198–199])¹⁴. Программная статья «К вопросу о латинизации китайской письменности» [Комиссия 1932], автором которой значится вся Комиссия по латинизации китайской письменности (в тексте в качестве авторов указаны Алексеев, **Васильев**, Драгунов, **Шпринцин**, Щуцкий, **Папаян** и **Поляков** (см. [Комиссия 1932, с. 35]), была в основном написана Драгуновым¹⁵. Это яркий, эмоциональный, но при этом безупречно научный текст, очевидно, написанный убеждённым сторонником латинизации.

Несмотря на то, что, будучи главой Комиссии, Алексеев позиционировался как минимум как соавтор этого текста, он, очевидно, был не

но установить, как была организована их работа с коллекцией и контактировали ли они друг с другом, крайне затруднительно.

¹³ И, наверно, ряда других её членов — например, в состав комиссии был введён и Невский, которому, конечно, в ней совсем нечего было делать (см. [АВ ИВР РАН. Ф. 152, оп. 1а, д. 163, л. 64]).

¹⁴ В Архиве востоковедов отложилось даже несколько курьёзное ныне решение Президиума АН СССР о финансировании в 1931 г. командировки Драгунова в Москву «для составления диалектических анкет среди китайцев московских вузов» [АВ ИВР РАН. Ф. 152, оп. 1а, д. 163, л. 15].

¹⁵ Личное сообщение М.В. Софронова.

вполне солидарен с его идеями. Иначе ничем нельзя объяснить практически одновременный выход посвящённой тому же вопросу книги, подписанной уже только его именем¹⁶. В ней Алексеев, формально признавая прогрессивность латинизации, на деле защищает иероглифику, доказывая её большую информационную ёмкость и даже теоретическую полезность и уместность применения в современных западных языках. Как большинство западных синологов, да и вообще людей, имеющих представление о китайской элитарной культуре, письменным выражением которой является иероглифический текст, Алексеев был всей душой привязан к иероглифу¹⁷ и не мог представить себе Китая, китайской культуры без него. Нужды сотен миллионов неграмотных китайцев в простой и адекватной письменности, как и принципиальные устремления лингвистов, были ему равно не близки. В общем, желание Алексеева несколько дистанцироваться от возглавляемой им комиссии и открыто выступить со своей позицией объяснимо и, более того, говорит о нём как о принципиальном человеке, не считавшем возможным молчать даже в таких политически опасных, но при этом сугубо специальных вопросах, где, казалось бы, можно было обойтись без деклараций.

Однако, вероятно, для остальных членов комиссии — особенно для Драгунова, работавшего в ней совершенно искренне и с убеждённой необходимостью совершаемого, такой поступок Алексеева должен был выглядеть как враждебный демарш, которым академик демонстрировал свою незаинтересованность в работе комиссии и отрицание её подходов к проблеме — в пользу старых, традиционных и, по мнению молодых учёных, конечно, научно устарелых, барских привычек. И даже более того.

В сущности, речь здесь шла, прежде всего, даже не об отношении к общей работе по латинизации — две публикации наглядно демонстрировали два принципиально разных подхода к китаеведению (да и

¹⁶ См. [Алексеев 1932]. О ней см., в частности, [Алпатов 2013]. Предисловие к книге датировано 8 мая 1931 г. (см. [Алексеев 1932, с. 3]), а в печать она была подписана 5 января 1932 г. Таким образом, она могла выйти из печати и раньше коллективной статьи Комиссии — но в последней книга не упомянута, так что, кажется, работа над двумя важнейшими текстами, касающимися латинизации, шла параллельно. Схожие идеи, но в более сжатом виде, В.М. Алексеев выражал и несколько раньше — см., например, [Алексеев 1931].

¹⁷ По воспоминаниям М.В. Софронова, В.М. Алексеев даже предпочитал понятие «иероглиф» «слову». Например, после провозглашения КНР он сказал студентам: «Вот, теперь мы с Вами знаем ответ на вопрос, что теперь значит иероглиф 國: теперь он значит Китайская Народная Республика» (личное сообщение).

к востоковедению в целом), к его предмету и будущему. Этот спор, в общем, не завершён и сейчас — и особенно интересно видеть его отголоски в работах того времени. Что должно являться предметом изучения для синологии? Централизаторские тенденции, выражающиеся в иероглифике и элитаристской культуре образованного слоя, или низовая, крайне разнообразная и обычно вовсе бесписьменная языковая традиция? Во времена Алексеева и Драгунова «старый» Китай, казалось, на глазах сдавал свои позиции под ударами новых, революционных идей — защищая его, Алексеев, скорее всего, несколько не сомневался в том, что эта дорогая его сердцу старина вот-вот исчезнет, как исчезла на его глазах русская цивилизация. И именно поэтому высказаться в защиту иероглифа было для него столь важно.

Для Драгунова же как представителя науки, работающей прежде всего с живым, звучащим словом, было вполне очевидно, что книжность старой китайской элиты, основанная на иероглифике и конфуцианском образовании, неразрывно связана с искусственным, официальным, чиновничьим языком, цель которого — удержание в покорности огромной и пёстрой империи, не в последнюю очередь посредством препятствования нормальному развитию китайских диалектов и недопущения их превращения в полноценные языки со своей литературой и фонетически адекватной письменностью. Вероятно, Драгунов руководствовался и здравым смыслом — в 20–30-е гг. и вправду казалось, что «феодалная» иероглифика и всё, что с ней связано, на глазах уходит в прошлое и впереди у китайского языка — абсолютно новая история, частью которой грешно было не попытаться стать. Предсказать, что победа КПК в гражданской войне приведёт не к чаемым революционным изменениям в языковой ситуации, а к установлению доселе невиданного диктата официального языка во всех областях жизни (во времена империи «язык чиновников» почти никак не присутствовал вне сферы государственного управления и образования, т. е. вовсе не затрагивал жизнь более чем 99 процентов населения страны) и крайнему ухудшению положения истинных живых языков Китая — диалектов, — в 30-е гг. не смог бы, наверно, никто. Конечно, и Василий Михайлович вряд ли предполагал, что его, казалось бы, обречённая на поражение позиция «последнего римлянина» на самом деле ляжет — по совершенно иным резонам! — в основу государственной и языковой политики Мао Цзэ-дуна.

Спор учёных, вероятно, остался бы в рамках науки — если бы не время, которое окружало их. Вскоре после выхода книги Алексеева была опубликована резкая рецензия на неё (см. [Васильев, Драгунов и др. 1932]), подписанная «бригадой» из основных членов Комиссии по латинизации (см. [Приложение I]). Среди них были не только давние

коллеги академика: Драгунов, **П.Е. Скачков** (подписался фамилией Соколов) и Шпринцин, но и один из его ближайших соратников — Васильев. Надо сказать, что, несмотря на размещение в официально-пропагандистском, партийном издании, рецензия в целом довольно сдержанна. Алексеева (в общем, заслуженно) упрекают в непонимании революционных принципов латинизации и апологетике иероглифики (помянув ему его давнишние высказывания о том, что иероглифика является «высшей формой человеческой письменности» [Алексеев 1923, с. 108]), а также общей методологической несовременности, стремлении к элитарности и игнорировании нужд и интересов простого читателя. Статья не лишена резкостей: Алексеева именуют «апологетом конфуцианства» (с. 131), а также объясняют его невысокое мнение о простонародном китайском языке тем, что «единственными трудящимися, с которыми сталкивался академик, вероятно, были рикши, которые, чтобы быть лучше понятыми пассажирами-европейцами, показывали стоимость проезда на пальцах» (с. 133), да и вообще в тексте немало намёков на недостаточную квалификацию академика — но вообще, учитывая время и место публикации, эти уколы выглядят довольно умеренными.

Статья в целом производит довольно странное впечатление. В-первых, это очевидное «дитя многих отцов». Некоторые пассажи сформулированы научно и хорошо (см., например, очень внятный очерк соотношения письменного языка и диалектов в Китае на с. 132, возможно, написанный Драгуновым или Шпринциным), но многие фразы производят впечатление записанных со слуха человеком, крайне далёким от китаеведения (иначе невозможно объяснить появление фантастических написаний Ли-цзи (вместо Ли Цзи, с. 130, 131) и Хуши (вместо Ху Ши, с. 137)), этим же, вероятно, можно объяснить ошибочную форму «бейпинский» на с. 133 — сразу после абзаца, где слово написано верно. Таким же «записанным со слуха» (и при этом искажённым) кажется обвинение Алексеева в незнании истории китайской литературы (с. 138) — якобы его мнение о том, что роман расцвёл в Китае в монгольское время, ошибочно, поскольку роман в Китае появился в XIV в., а монгольское владычество относится к XIII в. Из членов «бригады» к литературоведению ближе всех был Б.А. Васильев — но трудно предположить, что он настолько плохо ориентировался в китайской истории. Создаётся стойкое ощущение, что часть аргументов рецензии принадлежит учёным — но они «огранены» опытной рукой человека пусть и гораздо менее — до невежества — сведущего в премудростях синологии, но зато лучше владеющего правилами классовой полемики

и новыми веяниями¹⁸. При этом этот «знарок новой жизни», чьему перу, конечно, принадлежат, помимо прочего, потрясающие марристские пассажи об изменении языка «в зависимости от смены общественных формаций» (с. 132), — Драгунов, вне всяких сомнений, такого написать не смог бы даже в смертельной нужде — неожиданно садится в лужу в собственной епархии: на с. 138 он походя упоминает Чэнь Ду-сю, которого характеризует только как «представителя национальной буржуазии». То есть автор, резко указывающий на ошибки и неточности В.М. Алексееву, не имеет ни малейшего представления не только о том, что Чэнь Ду-сю был одним из основателей китайской компартии и её первым генеральным секретарём, но и — что вовсе потрясающе — он ничего не знает о том, что в 1929 г. Чэнь Ду-сю был исключён из партии, а во время выхода статьи являлся главой китайской левой оппозиции и деятельным троцкистом. Пожалуй, эта ошибка на политических весах начала тридцатых годов могла бы весить побольше, чем старомодность академика! Однако замечена она не была, что немало говорит не только об авторе статьи, но и о кругозоре и чутье редактора журнала, долженствующего быть непогрешимым образцом партийного слова.

При этом, несмотря на отмеченную выше умеренность нападок на В.М. Алексеева, конечно, само место публикации рецензии говорит о том, что авторы стремились выйти за пределы узкого круга научной печати и привлечь к проступкам академика внимание иных, более деятельных сфер. И в этом случае даже сравнительно мягкие обвинения в отставании от духа времени, констатация того, что «огромное достижение Октябрьской революции — приобщение широких трудящихся масс к науке, лозунг партии и правительства „науку и технику в массы“ прошли мимо академика Алексеева» (с. 138) и прочее могли очень дорого обойтись академику. Маловероятно, что авторы рецензии не осознавали серьёзности своего поступка — даже самые далёкие от повседневности учёные, жившие в тех условиях, не могли не понимать всей фатальности возможных последствий (хотя, естественно, не стоит забывать, что 1932 г. — это далеко не

¹⁸ На роль такого «истинного» автора (если его стоит искать среди тех, чьи имена стоят под текстом, а не где-то в более специализированных ведомствах — что не исключено), кажется, больше всего подходит Папаян — в недавнем прошлом парторг Института востоковедения, который вскоре и сам пал жертвой сталинской мясорубки. Поляков — в то время аспирант ИВ АН СССР — вероятно, имел слишком непростую биографию, чтобы выступать застрельщиком такого рода проектов. Хотя, конечно, прошлое делало его особенно зависимым от партийного начальства.

1937 г.). Возможное давление со стороны партийных инициаторов статьи на учёных соавторов и «подписантов» нельзя сбрасывать со счетов — но полностью извинить учеников и коллег В.М. Алексеева этим, конечно, нельзя.

Но не стоит полностью игнорировать и научную составляющую противостояния — для многих коллег Алексеева расхождения по вопросу о том, каковы же всё-таки цели науки, которую все они считали своей, — не говоря уж об обиде за столь обидную нелояльность академика возглавляемой им комиссии — могли стать «последней соломинкой», которая сделала верблюда с переломленным хребтом лёгкой добычей политически чутких шакалов. Стоит ли говорить, что в данной ситуации все её участники стали заложниками эпохи — и, оказавшись в иной обстановке, вероятно, не смогли бы и вообразить, что существуют столь сильнодействующие (хоть и дурно пахнущие) средства научной полемики.

После «рецензии» Алексеев, к счастью, сумел отвести удар политически беспроязвительной статьёй «Ленин на китайском языке» (см. [Алексеев 1933]), но окончательно отстранился от работы комиссии по латинизации. Его отношения с «подписантами» рецензии, вероятно, ухудшились — по крайней мере, своего бывшего любимого ученика Б.А. Васильева он в 1934 г. характеризует в письме к С.Г. Елисееву как «эфмерного разгильдяя» (цит. по [Кобзев 2016, с. 335]).

В последующие годы Драгунов, судя по всему, не так уж часто встречался с Алексеевым — он по-прежнему много работал с дунганцами и в области латинизации (работы окончательно были свёрнуты только в 1937 г.¹⁹), много преподавал (например, в 1935 г. он преподавал в Военно-политической академии им. Толмачёва, Институте истории искусств, ЛВИ, ЛГУ, а также на восточном факультете Дальневосточного государственного университета и Китайской ленинской школе во Владивостоке) (см. [Дацышен 2015, с. 212]). В 1935 г. ему было без защиты присвоено звание кандидата филологических наук — и, по воспоминаниям М.В. Софронова, до конца жизни его несколько расстраивало, что в это время, когда учёные звания получали многие востоковеды, начинавшие работать в годы, когда таких званий не было, ему была присвоена кандидатская, а не докторская степень, как многим. «Оно, конечно, ерунда — однако похороны-то будут по второму разряду, а не по первому». Возможно, здесь сыграло свою роль и отношение к нему Алексеева; Невский получил докторскую степень.

¹⁹ О работе по латинизации подробнее см. [Дацышен 2015, с. 192–205].

В 1937–1938 гг. шаткий мир советского востоковедения рухнул — вместе со многими другими вселенными, казалось, нашедшими некоторое равновесие. Невский, Иванов, Щуцкий, Васильев и многие, многие другие ученики и сотрудники Алексеева были расстреляны, сам он оказался на грани гибели. Весной 1937 г. академик был «проработан» на институтском и академическом уровне — в вину ему ставилась общая отсталость научного метода, малая ценность для народа выпускаемой им научной продукции, плохо скрываемая нелюбовь к советской власти. Видимо, в этих проработках в какой-то степени принял участие и Драгунов — по крайней мере в одном из доносов на Алексеева (составленных весной 1938 г. партотгом ИВ АН **Х.И. Муратовым**) указано, что в начале 1937 г. Алексеев «требовал ультимативно от дирекции увольнения китаиста Драгунова» [АВ ИВР РАН. Ф. 152, оп. 1а, д. 493, л. 31].

Неприятности усугубил выход в 1937 г. в Париже книги, подготовленной по материалам его лекций, прошедших там в 1926 г. (см. [Alexeiev 1937]), — то, что было можно в 1926 г., грозило большими неприятностями в 1937 г. 7 июня 1937 г. Институт востоковедения был «проверен» комиссией во главе с **Г.Н. Войтинским**; осенью 1937 г. были арестованы и убиты почти все ученики Алексеева — Невский, Васильев, Щуцкий и многие другие, — он оставался едва ли не последней целью. 13 февраля 1938 г. академика обсуждали на заседании парткома ИВ АН СССР (см. [АВ ИВР РАН. Ф. 152, оп. 1а, д. 587]), на котором присутствовал специально присланный из Москвы академик **А.М. Деборин**. В «материалах, характеризующих научную деятельность академика Алексеева», подготовленных Муратовым вскоре после этого обсуждения с целью убедить Деборина в необходимости решительных действий против Алексеева, Драгунов упоминается среди молодых специалистов, которых «всячески затирал» Василий Михайлович — якобы он выступал «против кандидатуры т. ДРАГУНОВА, как зам. редактора словаря (имеется ввиду китайско-русский словарь. — *С.Д.*)» [АВ ИВР РАН. Ф. 152, оп. 1а, д. 493, л. 27], «возражал против привлечения к работе (над словарём. — *С.Д.*) научно-компетентного специалиста китаиста т. Драгунова, вследствие того, что т. Драгунов осмеливается критиковать его по целому ряду принципиальных вопросов» [АВ ИВР РАН. Ф. 152, оп. 1а, д. 493, л. 27], «в течение ряда лет не допускал к работе в ЛВИ и ЛГУ» [АВ ИВР РАН. Ф. 152, оп. 1а, д. 493, л. 30]. В тех же материалах Драгунов упоминается как составитель выписок из научных работ Алексеева, долженствующих доказать его несостоятельность и реакционность как учёного [АВ ИВР РАН. Ф. 152, оп. 1а, д. 493, л. 26, л. 30]. К сожалению, эти выписки не отложились

в архиве, и мы не можем выяснить, что представляла собой эта работа, — по некоторым другим примерам можно отметить, что Муратов обладал полезной способностью превращать в политически убийственный материал даже вполне объективные аналитические записки. В целом, очевидно, Муратов рассматривал Драгунова как относительно лояльного сотрудника Института — хотя нигде не рекомендовал его для занятия начальственных должностей, как некоторых других, более активных (и партийных) коллег.

25 марта Алексеев подвергся жёсткой критике на возглавляемой им кафедре дальневосточной филологии Филологического факультета ЛГУ, причём в состав комиссии, на основании работы которой было принято решение, входил и Драгунов²⁰. После этого инцидента Алексеев (согласно упоминавшимся выше «материалам» Муратова) «начал дискредитировать его, говоря что де ДРАГУНОВ “безграмотн[ый] китаист”. Ак. Алексеев разослал в целях дискредитации т.т. ДРАГУНОВА и ШПРИНЦИНА, заявления, часть которых он передал студентам той группы, в которой эти товарищи вели занятия по изучению китайского языка» (АВ ИВР РАН. Ф. 152, оп. 1а, д. 493, л. 26, л. 30).

31 мая в «Правде» вышла статья «Лжеучёный в звании советского академика» [Муратов, Буров 1938], подписанная Муратовым и аспирантом-индологом М.П. Буровым, обвинявшая Алексеева в мракобесии и вредительстве. Следствием статьи стали повсеместные «проработки» Алексеева — 5 июня в Президиуме АН и на кафедре дальневосточной филологии ЛГУ, 7 июня — в Институте востоковедения, 9 июня — в ЛВИ (подробнее см. [Дацышен 2015, с. 262–266]). В большинстве эпизодов этой травли участвовал и Драгунов — и, хотя (кроме мартовской критики на кафедре) он, кажется, не проявлял себя среди застрельщиков, мужества пойти против стихии, «не поднять руку», как, например, у **К.К. Флуга** или **А.А. Штукина**, у него не нашлось. Не удивительно, что служебную характеристику, данную ему Алексеевым как раз в эти страшные дни (3 апреля 1938 г.), трудно назвать доброжелательной: «заявил себя достаточно углублённым в исследовательскую работу лингвистом. Однако, синологом его нельзя назвать, поскольку китайские источники по его же специальности, но в виде текста, а не его купюр, и без ограничения датой ему, по-

²⁰ См. [Дацышен 2015, с. 263]. В своём «Замечании к Протоколу производственного совещания» Алексеев не преминул указать, что «тов. Драгунов лишь недавно (в начале 1936 г., если не ошибаюсь) приступил к чтению курсов... и до сих пор не представил свои программы, т.е. правонарушитель, сорвавший наши планы и программы» (цит. по [Дацышен 2015, с. 263]).

видимому (на основании наблюдений над его печатной продукцией и общими тенденциями) недоступны, и, таким образом, охарактеризовать его точнее всего следует, как лингвиста, занимающегося китайским (и дунганским), отчасти тангутским и тибетским языками»²¹. Характеристику можно назвать объяснимой (учитывая контекст), но вряд ли оправданной или справедливой.

Обстановка в Институте после всех этих мероприятий стала довольно гнетущей, и 13 января 1939 г. Драгунов подал заявление об увольнении «по причине временной инвалидности». Он был исключён из числа сотрудников 20 января [АВ ИВР РАН. Ф. 152, оп. 3, д. 207, л. 15]. Возможно, так его пути навсегда бы и разошлись с путями его учителя — но после начала войны, 11 июля 1941 г., Драгунов подал заявление о возвращении на работу [АВ ИВР РАН. Ф. 152, оп. 3, д. 207, л. 16]; оно было удовлетворено. Кажется, не будет слишком смелым предположить, что возвращение в первую очередь было связано с соображениями о несколько более устойчивом положении научного работника по сравнению с нигде не работающим инвалидом. Благодаря работе в Институте Драгунов в феврале 1942 г. был эвакуирован в Ташкент (см. [Дацьшен 2015, с. 285]). Во время войны его работа порой соприкасалась с деятельностью эвакуированного в с. Боровое (Казахстан) академика — в 1943 г. Алексеев в личном письме крайне желчно описывал присланный ему отзыв Драгунова²² на непонравившуюся академику скоропалительную диссертацию аспиранта Алексеева — **Н.Т. Федоренко**: «Драгунов... прислал мне евтогу диссертации Федоренка, которую ему удалось „провернуть“ в один день (я-то, окаанный, сидел над нею 15 дней, с утра до ночи!) в которой я ничего даже не узнал» (цит. по [Дацьшен 2015, с. 298]). Тогда же в

²¹ См. [АВ ИВР РАН. Ф. 152, оп. 3, д. 207, л. 12]. Нельзя не отметить, насколько различными (и причём, в обоих случаях, едва ли верными) были представления о том, кто такие лингвисты, бытовавшие в те времена. В середине 20-х «курировавший» Китай и китаеведение представитель большевистского руководства Карл Радек писал: «У нас китаеведов, знающих язык, можно по пальцам пересчитать, а притом девять десятых этих китаеведов — лингвисты, которые в лучшем случае интересовались только культурой, религией Китая, которые подходили к Китаю, конечно, с точки зрения русского интеллигента, а не с точки зрения исторической, и не с точки зрения материалистической» (цит. по [Дацьшен 2015, с. 139]). Очевидно, Радек включал в число своих «лингвистов» и самого Алексеева, который столь высокомерно (хотя и несколько сумбурно) отказал Драгунову в чести считаться китаистом, которая лингвисту, очевидно, недоступна *per definitionem*.

²² Этот действительно довольно мягкий отзыв см. [АВ ИВР РАН. Ф. 123, оп. 1, ед. хр. 51].

письме **И.Ю. Крачковскому** Алексеев писал: «Сам я в университете никакого участия после 1938 г. принимать не собираюсь, но помочь ему эпизодически, в отдалении от Драгуновых, Холодовичей, Конрадов и им подобных не прочь» (цит. по [Дацышен 2015, с. 268]). В другом письме сказано больше: «Драгунов пишет (уже в другом тоне, чем в 1938 году, и, вообще — какая шушера! — ищет забвения!)» (цит. по [Дацышен 2015, с. 268]). Забвения академик Алексеев ему предложить, конечно, не мог. И его трудно за это судить.

В 1944 г. вместе с Институтом востоковедения Алексеев и Драгунов вернулись в Ленинград. В условиях, когда он остался единственным человеком в Советском Союзе, имевшим представление о тангутском языке, Драгунову опять было предложено заняться тангутским фондом. Судя по всему, в этот период (1944–1950 гг., на который пришёлся и переезд Института из здания Библиотеки Академии наук (БАН) в Ново-Михайловский дворец на Дворцовой набережной в 1949 г.), Драгунов работал много и прилежно (им описано 2720 единиц хранения из более чем 8000 единиц, составляющих фонд — с 956 по 3675²³), но, кажется, без особого интереса — ни одной работы по тангутоведению в эти годы он не опубликовал. В 1950 г., после переезда Института востоковедения в Москву, Драгунов также покинул Ленинград. В 1951 г. академик Алексеев умер в полуопале; в 1955 г. скончался Драгунов — от последствий скарлатины, подхваченной в институтской комиссии, проверявшей работу детских садов, в которую он, бездетный, был включён — и, как и на протяжении всей жизни, не нашёл в себе сил отказаться²⁴.

В Пятой из «Северных элегий» Анна Андреевна Ахматова писала:

Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь. В другое русло,
Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов.

Эти строки многое объясняют о людях, которым выпало жить в это время и в этой стране. Сколько сил, сколько крови сердца тратили они в борьбе за себя — и как порой бессмысленно это нечеловеческое существование сталкивало их с себе подобными, похожими,

²³ См. [Горбачёва, Кычанов 1963, с. 17–18]. Заметим, что позиции с 1 по 955 значатся как описанные Невским, хотя среди них должны бы быть и описанные Ивановым и Драгуновым до его возвращения.

²⁴ Из интервью М.В. Софронова в рамках проекта «Российское китаеведение — устная история».

которые в нормальной обстановке были бы добрыми приятелями или почтенными коллегами. Остаётся только представлять себе грандиозные научные успехи, которые могли бы быть достигнуты этими людьми, если бы одни из них сохранили жизнь, а другие — возможность работать, не страшась ежеминутно разделить судьбу убитых. Это было бы совсем иное русло нашей искалеченной реки.

Список сокращений

АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН

ЛС — Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Сост.: *Васильков Я.В., Сорокина М.Ю.* СПб., 2003. 496 с.

Литература

1. Азиатский музей 1920 — Азиатский музей Российской Академии наук 1818–1918. Краткая памятка. Пг.: Российская государственная академическая типография, 1920. 115 с.
2. Алексеев 1923 — *Алексеев В.* Очерки современного Китая // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Кн. 2. Москва–Петербург: Гос. Изд-во Всемирная литература, 1923. С. 105–117.
3. Алексеев 1931 — *Алексеев В.М.* Предпосылки к латинизации китайской письменности // Вестник Академии наук СССР. 1931, № 4. С. 1–6.
4. Алексеев 1932 — *Алексеев В.М.* Китайская иероглифическая письменность и её латинизация. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1932. 178 с.
5. Алексеев 1933 — *Алексеев В.М.* В.И. Ленин на китайском языке // Вестник Академии наук СССР. 1933, № 1. С. 13–20.
6. Алпатов 1996 — Николай-Николас Поппе. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 1996. 144 с.
7. Алпатов 2013 — *Алпатов В.М.* Размышления над книгой В.М. Алексеева «Китайская иероглифическая письменность и её латинизация» // Общество и государство в Китае: Т. XLIII. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2013. С. 271–285.
8. Васильев, Драгунов и др. 1932. — *Васильев Б., Драгунов А., Папаян Г., Поляков А., Соколов П., Шпринцин А.* За или против латинизации? [Рец. на] Алексеев В.М. (академик). Китайская иероглифическая письменность и её латинизация. Л., 1932 // Проблемы марксизма. 1932, № 3. С. 129–139.
9. Волков и др. 2017 — *Волков В.А., Куликова М.В., Логинов В.С.* Российская профессура XVIII — начало XX в. Биографический словарь. Гуманитарные науки. Т. 1–3. 2-е изд. СПб.: Росток, 2017. 851+799+687 с.
10. Горбачёва, Кычанов 1963 — Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествлённых и определённых тангутских рукописей и ксилографов коллекции ИНА АН СССР / Сост. *З.И. Горбачева, Е.И. Кычанов.* М.: Издательство Восточной литературы, 1963. 172 с.
11. Громковская, Кычанов 1978 — *Громковская Л.Л., Кычанов Е.И.* Николай Александрович Невский. М.: ГРВЛ «Наука», 1978. 216 с.

12. Дацышен 2015 — *Дацышен В.Г.* История русского китаеведения. 1917–1945. М.: Весь мир, 2015. 352 с.
13. Деборин 2010 — Деборин А.М. // Новая философская энциклопедия. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. Т. 1–4. 2816 с. [Интернет-ресурс]: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0178ca663938106d81161178?p.s=TextQuery> (дата обращения 2.11.2018).
14. Дубков 1991 — *Дубков К.В.* Личный архив Александра Александровича Драгунова (фонд 132, Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXIV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1989 г. Часть 2. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. С. 184–191.
15. Иванов 1909 — *Иванов А.И.* Тангутские рукописи из Хара-Хото. Из находок П.К. Козлова в г. Хара-хото. I // Известия Императорского русского географического общества. 1909. Т. 45. Вып. 8. С. 463–470.
16. Иванов 1911 — *Иванов А.И.* Страница из истории Си-Ся // Известия Императорской академии наук. VI серия. 1911. Т. 5. Вып. 11. С. 831–836.
17. Иванов 1913 — *Иванов А.И.* Документы из города Хара-хото. I. Китайское частное письмо XIV века // Известия Императорской академии наук. VI серия. 1913. Т. 7. Вып. 14. С. 811–816.
18. Иванов 1916 — Сутра «Восхождение Майтреи на небо Тушита» / Тангутский текст издал и китайским переводом снабдил *А.И. Иванов*. Пг.: Типо-Литография Б. Авидона, 1916. 42 с.
19. Иванов 1918 — *Иванов А.И.* Памятники тангутского письма // Известия Российской академии наук. VI серия. 1918. Т. 12. Вып. 8. С. 799–800.
20. Кобзев 2016 — *Кобзев А.И.* Бесогон монаха Аликэ, или Параллельные миры в синологии // Драмы и фарсы российской китаистики. М., 2016. С. 330–390.
21. Комиссия 1932 — *Комиссия по латинизации китайской письменности.* К вопросу о латинизации китайской письменности // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. Том. 1. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1932. С. 35–55.
22. Кычанов 1965 — *Кычанов Е.И.* Звучат лишь письменна. М.: ГРВЛ «Наука», 1965. 138 с.
23. ЛС. Васильев. — ЛС. [Интернет-ресурс]: <http://memory.pvost.org/pages/vasilievba.html> (дата обращения 2.11.2018).
24. ЛС. Иванов — ЛС. [Интернет-ресурс]: <http://memory.pvost.org/pages/ivanov.html> (дата обращения 2.11.2018).
25. ЛС. Конрад — ЛС. [Интернет-ресурс]: <http://memory.pvost.org/pages/konrad.html> (дата обращения 2.11.2018).
26. ЛС. Муратов — ЛС. [Интернет-ресурс]: <http://memory.pvost.org/pages/muratov.html> (дата обращения 30.06.2019).
27. ЛС. Невский — ЛС. [Интернет-ресурс]: <http://memory.pvost.org/pages/nevskij.html> (дата обращения 2.11.2018).
28. ЛС. Папаян — ЛС. [Интернет-ресурс]: <http://memory.pvost.org/pages/papajan.html> (дата обращения 2.11.2018).
29. ЛС. Поляков — ЛС. [Интернет-ресурс]: <http://memory.pvost.org/pages/poliakov.html> (дата обращения 2.11.2018).

30. ЛС. Скачков — ЛС. [Интернет-ресурс]: <http://memory.pvost.org/pages/skachkov.html> (дата обращения 2.11.2018).
31. ЛС. Шпринцин — ЛС. [Интернет-ресурс]: <http://memory.pvost.org/pages/shprintsin.html> (дата обращения 2.11.2018).
32. ЛС. Штукин — ЛС. [Интернет-ресурс]: <http://memory.pvost.org/pages/shtukin.html> (дата обращения 2.11.2018).
33. ЛС. Щуцкий — ЛС. [Интернет-ресурс]: <http://memory.pvost.org/pages/schutskij.html> (дата обращения 2.11.2018).
34. Милибанд 2008 — *Милибанд С.Д.* Востоковеды России. Библиографический словарь. В двух книгах. М.: Восточная литература, 2008. 968+1005 с.
35. Румынская — *Румынская М.Н.* Муратов Хасан Исхакович. Санкт-Петербургский институт истории (дом Д.С. Лихачёва) РАН. [Интернет-ресурс]: http://www.spbiiran.nw.ru/muratov-h_i/ (дата обращения 2.11.2018).
36. Муратов, Буров 1938 — *Муратов Х., Буров М.* Лжеучёный в звании советского академика // Правда. 31 мая 1938 г. № 148 (7473). С. 4.
37. Невский 1960 — *Невский Н.А.* О тангутских словарях // *Невский Н.А.* Тангутская филология. М., 1960. С. 95–106.
38. И Фэнгэ 1923 — *伊鳳閣 (A.I. Ivanov, PhD.)*. 西夏國書 // — 國立北京大學國學季刊. 第一卷、第四號、十二年十二月出版. 北京, 1923. 675–686 頁. (*И Фэнгэ.* Письменность государства Западное Ся // Ежеквартальный бюллетень по китаеведению Государственного Пекинского университета. Т. 1. Ч. 4. Издано в декабре 12 года Китайской республики. Пекин, 1923. С. 675–686).
39. Alexeiev 1937 — *Alexeiev Basil.* La littérature chinoise. Six conférences au Collège de France et au Musée Guimet. Paris, 1937. 232 p.
40. Dmitriev 2016 — *Dmitriev Sergey.* Tangut (Xi Xia) Studies in the Soviet Union: The Quinta Essentia of Russian Oriental Studies. — Sinology in Post-Communist States. Views from the Czech Republic, Mongolia, Poland and Russia / Ed. by *Shih Chih-yu.* Hongkong: Chinese University Press, 2016. P. 233–252.
41. Dragunov 1929a — *Dragunov A.* Contribution To the Reconstruction of Ancient Chinese // *T'oung pao.* Vol. 26. Issue 1–2. 1929. P. 1–16.
42. Dragunov 1929b — *Dragunov A.* Binoms of the type 尼 + 卒 in the Tangut-Chinese Dictionary // Доклады Академии наук СССР. 1929. № 8 (789). С. 145–148.
43. Dragunov 1930 — *Dragunov A.A.* A catalogue of Hsi-Hsia (Tangut) Works in the Asiatic Museum, Academy of sciences, Leningrad. — 國立北平圖書館館刊. 中華民國十九年五六月份 (民國廿一年出版). 第四卷. 第三號西夏文專號 (Ведомственное издание Государственной Бэйпинской библиотеки. 5–6 месяцы 19 года Китайской республики (напечатано в 21 году Республики). Т. 4. № 3. Специальный номер по тангутской письменности) // Bulletin of the National Library of Peiping. Vol. 4. May–June 1930 (issued in January 1932). № 3. 373–377 (2877–2881).
44. Ivanov 1909 — *Alexei Ivanov.* Zur Kenntnis der Hsi-Hsia Sprache. — Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg, VIe série, tome III, 1909, p. 1221–1233.

45. Ivanov 1920 — *Ivanov A.I.* Monuments de l'écriture tangout. — Journal Asiatique: Recueil de mémoires et de notices relatifs aux études orientales publié par la Société Asiatique. XIème série, tome XV, n°1. — Janvier–Mars 1920. P. 107–109.

Приложение

Проблемы марксизма. 1932, № 3. С. 129–139*.

ЗА ИЛИ ПРОТИВ ЛАТИНИЗАЦИИ?

Алексеев, В.М. (академик)

Китайская иероглифическая письменность и её латинизация. Л., Издательство Академии наук СССР. 1932. 178 стр. Ак. наук СССР. Научно-популярная литература. 3000 экз. 2 р. 50 к.

{129} Культурный рост трудящихся СССР предьявляет огромный спрос на научно-популярную литературу по самым различным областям науки, и задачей научных работников является всемерное удовлетворение этого спроса. Однако издание научно-популярной книги требует от издательства особенно тщательного подхода к качеству книги.

Целью такой книги является популяризация достижений науки среди широкой читательской массы, поэтому вопрос о политической выдержанности популярной литературы в области общественных наук требует к себе особого внимания. Если всем этим условиям книга не удовлетворяет, то вывеска «научно-популярная» ничего кроме вреда не может принести.

Возьмем для примера книгу академика В.М. Алексеева «Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация». Казалось бы, что эта книга, автор которой является участником и даже председателем комиссии по латинизации китайской письменности Академии наук, должна быть посвящена защите латинизации, однако ознакомление с книгой заставляет в этом сомневаться. Через всю книгу красной нитью проходит защита иероглифа.

Странно звучит заявление академика Алексеева о том, что в Китае происходит «европейский прогресс, делающий... столь гигантские шаги по всем направлениям человеческой деятельности» (стр. 5). Не будем приводить других цитат такого же типа, их в работе академика найдется не мало, выразим только удивление странному нежеланию автора понять политику империалистических держав в Китае, являю-

* Мы благодарим за неоценимую помощь в поисках и оцифровке текста М.А. Гулёву, А.В. Дмитриеву и А.Э. Терехова. Текст статьи дан в оригинальной орфографии и пунктуации.

шуюся отнюдь не гигантскими шагами прогресса, а гигантскими шагами ограбления китайских трудящихся.

Далее в тезисах доклада, сделанного академиком Алексеевым в 1931 г., приводимых в книге, мы встречаем следующие формулировки: «Иероглифическое письмо вообще не представляется общественному мнению народов, не пишущих иероглифами, способствующим прогрессу в современной цивилизации и культуры».

Не говоря уже о расплывчатом понятии «общественного мнения народов», совершенно чуждо советскому читателю и другое определение: «прогресс современной цивилизации и культуры».

В других местах книги мы находим следующее объяснение империалистического проникновения в Китай.

«Успехи европейской культуры, преимущественно техники, слишком ясно демонстрированные Китаю в XIX веке (особенно к концу его), чтобы их можно было от себя навеки отчудить, произвели сильное брожение в умах наиболее открытых и особенно молодых». В такой формулировке автор преподносит эпоху империализма с ее войнами и закабалением Китая, под «наиболее же открытыми молодыми умами», на которых подействовали «успехи европейской культуры», академик, оказывается, подразумевает Чжан Чжидуна, небезызвестного китайского реакционера, адъютанта Цзэн Гофаня, усмирителя Тайпинского восстания.

Если мы обратимся к «методологии» академика в вопросе общей характеристики китайской культуры, то мы увидим, что во всей книге проходит красной {130} нитью идея «самобытности Китая», его особого духа, его противоположения Западу. А в одном из примечаний мы найдем и следующие строки по вопросу о проведении параллелей между Китаем и Западом:

«Едва ли не самой умной и самой значительной надо читать известную статью В.С. Соловьева „Китай и Европа“, которая, будучи основана на крайние поверхностных, с фальшивой презумпцией, переводах и статьях, все-таки сделала это сопоставление двух культур наиболее критически и полновесно, хотя и односторонним образом».

Вот где находит научную истину академик Алексеев — у махрово-реакционного писателя, в статье, которая дает такие, например, «критические» и «полновесные» сопоставления двух культур:

«Нам нет надобности обличать с христианской и европейской точки зрения ограниченность китайской жизни и мысли и указывать на невозможность для человеческого духа удовлетвориться окончательно теми пределами умеренности и благоразумия, в которые заключен китайский идеал. Несостоятельность этих пределов лучше всего обличается самими китайцами, которые целыми массами порываются выйти,

по крайней мере в своем личном существовании, из границ рассудочно-нравственного порядка, одуряя себя опиумом, который дает им фантастически-беспредельную жизнь вместо той умеренной действительности, на которую они обречены в трезвом состоянии».

Комментариев к таким перлам не требуется и остается только по меньшей мере удивляться как может ученый в советской стране солидаризироваться с такой абсолютно не научной и глубокой реакционной работой, как соловьевская статья, между прочим заканчивающаяся следующей сентенцией:

«Они (китайцы) верны себе. Если мы, европейский христианский мир, будем также верны себе, т.е. верны вселенскому христианству, то Китай не будет нам страшен, мы же завоюем и Дальний Восток не силой оружия, а той силой духовного притяжения, которая присуща исповеданию полной истины и которая действует на души человеческие, к какому бы племени они не принадлежали».

Как же относится академик к иероглифике?

Он говорит, что «мощным объединителем этих диалектов Китая всегда считался иероглиф, своего рода „великий немой“, дающий зрительную картину мысли вне звучания» (стр. 17). «Понятно, что эта форма речи, которую следует признать высшей как по точности, так и по выразительности и особенно картинности, ценится в документе, в эпистоле, в книге...» (стр. 38).

Мы должны понять, — указывает далее академик, — что этот сложный и головоломный способ письма, при желании писать сжато, был более совершенным, чем другие (стр. 47).

Какое значение имеет иероглиф по мнению Алексева, можно судить по следующему месту его книги, где он говорит: «Скажут далее, что напр., сычуанец, получивший воспитание на своем диалекте и познакомившийся в процессе своего обучения с английским языком, будет скорее гражданином мира, чем Китая, с которым его, при отсутствии иероглифики ничто уже связывать не может» (стр. 53). Оказывается, что китаец является китайцем только потому, что он связан иероглифом, а как же быть с теми сотнями миллионов китайцев, которые не владеют иероглификой?

Не скрывает академик Алексеев своих симпатий не только к иероглифике, но и к мечте китайских гоминьдановцев о создании единого языка — он говорит: «Во всяком случае, с уничтожением подлинно, но одностороннее объединяющей весь Китай иероглифики остается вместе с авторами и приверженцами китайской литературной революции верить в осуществлении их мечты о создании единого слышимого китайского языка» (стр. 54). Академик Алексеев доходит до преклонения перед иероглификой, что в частности выража-

ется в том, что он фактически солидаризируется с цитируемым им китайским антропологом Ли-цзи (sic! — С.Д.). Лишь отдавая дань времени, он считает, что латинизацию ввести нужно, но только для «некультурных масс», которые все равно иероглифики не знают. В науке же по мнению академика Алексева, долго будет еще господствовать иероглиф.

Проводя параллель между иероглификой и латинизацией, автор пишет: «Теперь, если подвести некий общий научный баланс как иероглифике, так и алфавиту, можно убедиться, что иероглифика есть также некий исторический закономерный и высоко развитый способ человеческого общения, который, в существе своем, вряд ли отличается от алфавита... Если иероглифы в некоторых отношениях сложнее букв, то в другом они проще, как комплексы... Вряд ли можно настаивать на преимуществе одного способа перед другим. Все дело, значит, в историческом естественном отходе иероглифики с господствующих позиций» (стр. 60). Как будто довольно ясно. Латинизация преимуществ перед иероглификой не имеет, а необходимость замены иероглифики латинизацией можно объяснить «отходом иероглифики с господствующих позиций».

Если это место сравнить со словами академика Алексева в журн. «Восток» № 1 за 1923 г., где он говорит, что «не надо забывать, что мы находимся теперь при общем падении русской культуры, накануне ее исчезновения быть может с лица земли» то всякому станет ясным, что под «отходом иероглифики с господствующих позиций» имеется в виду гибель «китайской культуры».

Оплакиванию «китайской культуры» по существу и посвящена разбираемая книга, автор которой является энергичным апологетом конфуцианства. Академик Алексев не может удержаться от того, чтобы хотя бы в примечаниях не упрекнуть покойного академика Васильева, к ужасу его с иронией относившегося к «самому крупному китайскому мыслителю» и его учению. Возмущение академика Алексева этим святотатством столь велико, что примечание 4, посвященное полемике с покойным академиком Васильевым, выросло до 2 ½ стр. (стр. 98–100).

О чем же говорит Ли-цзи, с которым солидаризируется академик Алексев? На стр. 31 находим следующую цитату из произведения этого автора:

«Китайский язык является антиподом алфавитного блока во всех статьях... Как воплощение простой и окончательной истины (!), он невредим от всяких бурь и натисков. Он уже сохранил китайскую культуру и цивилизацию на более чем сорок веков. Он солиден, прям (square) и красив (!) точь-в-точь как его нам представляет его дух (!),

при этом нам остается еще установить, этот ли дух произвел этот язык, или же наоборот, этот язык подчеркнул и усилил этот самый дух».

Весь этот жалкий идеалистический лепет и выведение не то языка от духа, не то наоборот снабжается следующим комментарием академика Алексева:

«При всей своей, может быть несколько причудливой и даже вычурной сентиментальности этот отрывок не так наивен, как он может показаться людям, недостаточно знакомым с китайской иероглифической культурой, которая действительно непрерывно и устойчиво развивала свои основы без внезапных заимствований и вообще эпизодов и скачков».

Итак академик Алексева не только всерьез солидаризуется с идеалистическим бредом Ли-цзи и его буржуазного интерпретатора Расселя, но и развивает буржуазную «социологию», упирая на стабильность, неизменчивость иероглифики, отрицая факт развития иероглифики, между тем как это факт бесспорной, ибо неужели можно всерьез думать, что форма иероглифа застыла в неизменном состоянии с IV века до н.э., не говоря уже о вкладываемом в нее содержании.

Ведь иероглифика, в свое время будучи классовым орудием господствующих слоев феодального общества, насыщалась определенным содержанием, причем это содержание выражалось не столько своим начертанием, сколько развитием стилей иероглифического языка. И эта смена стилей доходит до капиталистического общества, выражая в своем совершенном состоянии новые понятия господствующего буржуазно-помещичьего блока, изменив и форму, и содержание.

Из механистического же представления академика Алексева об иероглифике можно прийти и к выводу, что коль скоро русский алфавит и русские слова существуют сейчас, так же как они существовали и раньше, то следовательно рус {132} ский язык неизменен, и нечего говорить о развитии русского языка в зависимости от смены общественных формаций.

Академик венчает свою апологетику иероглифике следующими положениями:

«Иероглифическую форму речи следует признать высшей», «иероглифический способ письма при желании писать сжато был более совершенным, чем другие».²⁵

²⁵ Эта точка зрения давно проводится академиком Алексевым. Так, например, в № 2 «Востока» за 1923 г. мы читаем: «Иероглифика торжествует как многолетняя традиция и с моей точки зрения — как высшая форма человеческой письменности вообще».

Защищая иероглифическую письменность под видом объективности, автор пользуется доводами самоочевидно противоречащими здравому смыслу. Он говорит, напр., что «по составу своему алфавитная письменность даже сложнее иероглифической». При этом он исходит из 19 основных начертаний, из которых составляются различные иероглифы, и совершенно забывает, что дело вовсе не в равенстве числа элементарных черт в европейском алфавите и китайской письменности, а в числе тех знаков, которые из этих черт составляются. Отсюда ясно, что вывод автора о лишь кажущейся сложности китайской грамоты покоится на песке.

Восхваляя иероглифическую письменность, академик Алексеев пытается даже утверждать, что «сложная иероглифика в руках опытных наборщиков и машинистов не отходят от темпов, свойственных европейской прогрессивной технике» (стр. 30).

В своем стремлении оправдать иероглифику автор, когда он пишет о «факте» объединения иероглификой всех диалектов Китая, а равно и «всех эпох развития китайского языка», скатывается не только к заведомо неверному утверждению, но и смыкается с точкой зрения буржуазии.

Факт объединения иероглификой всех диалектов Китая вещь несуществующая, т.к. иероглифика была языком искусственным, не смыкавшимся с живыми говорами языков (а не диалектов) Китая. В том же случае, когда при помощи иероглифики фиксируется живая речь, то языки все равно остаются разобщенными. Дадим простейший пример: фраза «где он» будет звучать в бэйпинском диалекте северной языковой группы как «tazainaag», а в кантонском языке «Koixaibinsy», будучи абсолютно непонятной для лиц, говорящих на этих языках, если они знают только свой язык. Но в иероглифическом начертании мы будем опять-таки иметь *различные* иероглифические формы, которые тоже будут взаимно непонятны бэйпинцу и кантонцу.²⁶

Следовательно, «объединяющей» может быть лишь третья иероглифическая форма из условного языка господствующих классов, того самого неслышимого, неживого иероглифического языка, который так усердно переплетается у акад. Алексева с живыми языками Китая. Но этот иероглифический язык никоим образом не является объединяющим диалекты, или языки Китая, а всего лишь единым языком господствующих классов и «мандарината», некоторой параллелью которому является ученая латынь Европы. Попытка доказать возможность национального объединения Китая при помощи т. наз. общенациональ-

²⁶ По техническим причинам не представляется возможности иллюстрировать этот пример иероглифами.

ного языка «Гюй»), т.е. насильно внедряемого в разноязычные массы трудящихся Китая несколько видоизмененного бейпинского (sic! — *С.Д.*) диалекта, еще понятна в устах буржуазных гоминдановских деятелей, но подобные высказывания звучат совершенно дико на страницах научной брошюры, предназначенной для советского читателя, знакомого с принципами национальной политики СССР.

Небезынтересно также отметить отношение автора к языку трудящихся китайцев: он считает этот язык «языком некультурных масс», языком «не только слов, но и жестов и всяких других суррогатов и условностей» (стр. 62). В другом месте автор характеризует язык китайцев, не владеющих мандаринским наречием, как язык, «состоящий из крайне общих выражений, жестов, мимики и прочих спосо{133}бов, лишь косвенно напоминающих язык». Мы же полагаем, что именно язык трудящихся, вызывающий к себе такое презрительное отношение ученого академика, подлежит латинизации, ибо на самом деле он очень богат и выразителен, вопреки мнению автора, думающего, что китайские трудящиеся говорят больше мимикой и жестами, чем словами (заметим, что такое мнение весьма понятно, ибо единственными трудящимися, с которыми сталкивался академик, вероятно, были рикши, которые, чтобы быть лучше понятыми пассажирами-европейцами, показывали стоимость проезда на пальцах).

Однако достаточно; нам кажется, что эти цитаты с полной ясностью говорят об отношении академика Алексева к великому делу латинизации, которая должна стать мощным рычагом культурной революции для угнетенных масс Китая в их борьбе против гнета феодалов, джентри и буржуазии.

Если мы теперь обратимся к тем местам работы академика Алексева, где разбирается история вопроса и излагаются установки, положенные в основу при выработке алфавита, то и здесь мы должны будем констатировать, что автором был допущен ряд крупных ошибок как принципиального, так и фактического характера.

Прежде всего несколько слов об истории вопроса. Как известно, застрельщиком работы по латинизации является китайская советская общественность Москвы, поддержанная НИИ по Китаю в Москве. Несколько позже к этой работе присоединился и ИВ АН в лице комиссии по латинизации, после чего вся дальнейшая работа обоих институтов стала проводиться совместно. Коллективно разработанный, на основе проекта т. Страхова, ИВ и НИИ по Китаю проект алфавита и орфографии был рассмотрен и принят с небольшими изменениями ВЦК НА и окончательно утвержден на конференции по латинизации китайской письменности, состоявшейся во Владивостоке в сентябре 1931 г.

Таким образом работа и Москвы и Ленинграда все время шла коллективно и, что надо особо подчеркнуть, в самом тесном контакте и при поддержке китайской советской общественности Москвы, Ленинграда и ДВК. Добавим, что китайские тт. принимали самое деятельное участие в разработке алфавита и орфографии и что первая книга, посвященная вопросам латинизации, была написана китайским т. — Страховым.

Все это как-то прошло мимо внимания академика Алексеева. Из его книги читатель вынесет совершенно неправильное представление, будто вся работа по латинизации — дело рук исключительно комиссии по латинизации при ИВ АН. (См. напр. такие формулировки: «Латинизация китайской письменности, как задача, поставленная и решенная (!) АН» (1 стр., заголовок тезисов).

«В Москве состоялось совещание ВЦК НА, принявшее выработанный *нашей* (курсив наш. *Бр.*) комиссией алфавит...» (стр. 95), или на той же стр. 6 «Я попрежнему считаю приемлемым только вариант, выработанный *нашей* (курсив наш. *Бр.*) комиссией», или наконец на стр. 89: «Взяв на себя организацию латинизационного дела (!), ученые работники АН СССР...» и т.п.

Никто не собирается отрицать большой работы, проделанной ИВ в деле латинизации китайской письменности, работы, которая хорошо известна, но ведь надо также помнить, что вся работы ИВ в этой области именно потому и была успешна, что проводилась не кабинетным порядком, а в тесном контакте с китайской советской общественностью и НИИ по Китаю.

О книжке т. Страхова (Цюй Цю-бо) академик Алексеев говорит исключительно в отрицательном смысле. Слов нет, в книжке очень много дефектов, неизбежных впрочем в работе, впервые ставящей проблему и притом принадлежащей автору не-специалисту. Но ведь нельзя же не учитывать и того обстоятельства, что уже один факт появления этой книжки послужил мощным стимулом к развертыванию всего дела латинизации. Академик Алексеев совершенно не учитывает и того, какое крупное политическое значение имел наконец тот факт, что книжка эта была написана именно не кем иным как Страховым.

{134} Полное игнорирование роли китайской советской общественности в деле латинизации приводит академика Алексеева к утверждению, будто китайцам, живущим на территории СССР, «по общему правилу (!) для нацменьшинств», полагается (!) иметь алфавит, основанный на латинице и согласованный с „новым алфавитом“» (стр. 69). Трудно представить более полное незнакомство с историей возникновения и введения нового алфавита и более полное непонимание ленинской национальной политики.

Ведь неужели можно серьезно думать, что то бурное развитие латинизации у нас в Союзе, которое мы сейчас имеем, тот подъем, с которым прошла китайская конференция, привлекая тысячи китайских товарищей, неужели все это было бы возможно, если бы алфавит навязывался насильно, казенным, официальным порядком из центра!

Кроме того интересно было бы спросить и академика Алексеева, кто же собственно пишет и читает на самом-то новом алфавите, если нацменьшинствам, по его мнению, полагается иметь алфавит, основанный на латинице и всего лишь согласованный с новым алфавитом.

Перейдем теперь к тем установкам, из которых исходила комиссия по латинизации при разработке алфавита и орфографии.

Установки эти следующие:

1. Каждый алфавит не есть просто система букв, графем, а есть прежде всего система, отражающая интересы класса, данный алфавит создавшего, служащая интересам этого класса.

2. Китайский латинизированный алфавит предназначается для китайских трудящихся масс и следовательно должен быть построен так, чтобы в их руках стать подлинным революционным орудием борьбы за культурную революцию.

3. Каждый китайский трудящийся имеет право писать и читать на своем родном языке, поэтому алфавит должен быть построен не применительно к насильно навязываемому китайской буржуазией т. наз. национальному языку, гоюйю, а применительно к любому языку Китая.

4. В силу конкретных исторических условий, проведение латинизации среди китайских трудящихся сейчас возможно лишь на основе латинского алфавита в самом простом его виде, без всяких дополнительных букв с значками, или же букв из другого алфавита.

5. Китайский латинизированный алфавит передает живой язык, язык китайских трудящихся, а не язык иероглифический. Поэтому в новом китайском латинизированном алфавите вполне возможно на 99% обойтись без обозначения т. наз. «тонов».

6. Китайский латинизированный алфавит должен быть унифицирован с новым алфавитом — алфавитом трудящихся масс народностей СССР — тем самым способствуя осуществлению на деле слов т. Сталина о создании пролетарской по форме и национальной по содержанию культуры.

Совсем иную картину и иные технические средства мы имеем в попытках применения латинского алфавита к китайскому языку со стороны китайской буржуазии и миссионеров. Латинский алфавит, как в этом можно убедиться по газетным отчетам о всекитайском съезде по народному просвещению в 1930 г., отнюдь не предназна-

ется китайской буржуазией для замены иероглифики. Совсем наоборот. Латинский алфавит, как и чжуинь-цзыму вводятся, во-первых, с тем, чтобы эту иероглифику было легче изучить а, во-вторых — являются одним из способов насильственного насаждения искусственного национального произношения, чего, понятно, иероглифика сама по себе сделать не может.

Таким образом, «латинизация» китайской буржуазии по своим целям отнюдь не предназначается для широких масс, а лишь, опять-таки, для немногочисленных избранных, с помощью которых китайская буржуазия сможет и далее проводить свою политику порабощения китайских трудящихся. Соответственно этим целям и техническое оформление алфавита отнюдь не рассчитано на широкие массы — «латинизация» отличается крайне сложным и запутанным обозначением тонов (где нужно и где не нужно), что вполне естественно, поскольку латинский алфавит призван служить для облегчения усвоения иероглифов.

На первый взгляд несколько иную, но фактически также направленную на порабощение китайских трудящихся деятельность ведут миссионеры. Тут уж нет речи об едином для всего Китая национальном языке. Отражая интересы ведущих между собой борьбу за сферы влияния империалистических держав, миссионеры в своей «латинизаторской» работе делают упор на отдельные языки Китая, на разжигание национальной розни, на раздел Китая в целях более легкого его порабощения. Отсюда громадное количество разных «латинизаций» — английских, французских, немецких, американских, действительно обрекающих немногих, овладевших той или иной из них, на полную изоляцию от всего остального Китая. Надо добавить, что и эти, казалось бы, основывающиеся на живых языках, «латинизации», на деле идут на поводу у иероглифики — и тут мы находим постоянное обозначение тонов, написанное отдельными слогами и т.п.

Как мы видим, никаких точек соприкосновения между всеми этими попытками применения латинского алфавита к китайскому языку и той работой, которая ведется у нас — нет. Будет поэтому лучше сохранить за всеми этими попытками термин *романизация*, понимая следовательно в различии терминов: *романизация* и *латинизация* не только разницу формальную, в смысле технического оформления, но и, самое главное, разницу идеологическую, диаметрально противоположную целеустремленность.

Ибо совершенно ясно, что только алфавит, отражающий живую речь, только алфавит, дающий возможность каждому китайскому трудящемуся быть грамотным на своем родном языке и вместе с тем в силу своей унифицированности эти языки объединяющий, не обре-

кает трудящихся, пользующихся им, на изоляцию, только такой алфавит может стать подлинным орудием их культурного подъема.

Все это в общем осталось вне поля зрения академика Алексеева.

То немногое, что им говорится об алфавите, подано в чисто формальном, кабинетном плане.

Те специфические условия проведения китайской латинизации, правильная оценка которых сыграла решающую роль в успехе всей работы по латинизации, оцениваются академиком Алексеевым как обстоятельство, с которым комиссии по латинизации *поневоле пришлось* считаться при выборе алфавита (стр. 69).

Нетрудно видеть, в чем заключается методологическая ошибка В.М. Алексеева. Вместо того чтобы исходить из изучения конкретной обстановки и на основании этого изучения строить алфавит, академик Алексеев исходит из наличия готовых алфавитов и по очереди (стр. 68–69) разбирает, пригодны они для данного случая или нет.²⁷

Немудрено, что при таком подходе реальная действительность оказывается пугалом, с которым, увы, считаться приходится, хотя бы и поневоле. При другом подходе — от конкретной обстановки к алфавиту — вряд ли пришла бы в голову мысль и о фонетической нотации и о русском алфавите.

Полное отсутствие понимания революционной роли китайской латинизационной письменности приводит В.М. Алексеева к чисто формальному утверждению, будто «латинизация является (хотя бы в пределах одного диалекта) лишь упрощением сложной и стремящейся к точности нотации...» (стр. 89), своего рода органическим завершением его фонетической студии, которую он вел с 1910 г. в С.-Петербургском университете и затем в Восточном институте.

Ведь, если рассуждать так, то в этой роли — упрощенной фонетической нотации — с равным успехом могут выступить и романизация миссионеров, и русская транскрипция, и «латинизация» предложенная Karlgren²⁸ом, и т.д. Все дело в том, что и преподава-

²⁷ «Первой мыслью являлось бы, конечно, применение к латинизации последовательных фонетических норм...» (стр. 69). «Наилучше приспособленным к особенностям китайского языка, вероятно, является русский алфавит» (стр. 68), ибо «он во-первых имеет особую букву для звука «ы»...» (стр. 68) и т.д. и т.п.

²⁸ Между прочим утверждение В.М. Алексеева, что Karlgren является основоположником научной «латинизации» не верно. Karlgren в своей брошюре (цитируемой академиком Алексеевым) лишь улучшил проект применения латинского алфавита к китайскому языку, предложенный Чжао Юань-жэнем и его школой.

ние китайского языка не есть дело чисто техническое. Нельзя забывать, что для слушателей наших востоковедных вузов, изучающих китайский язык, латинизация не есть только средство, помогающее изучить китайский язык, не есть лишь упрощенная фонетическая нотация, а прежде всего мощное орудие культурного подъема китайских трудящихся. Таким же орудием может быть только латинизированный китайский алфавит, построенный соответственно с теми целями и по тем принципам, о которых говорилось выше.

XIX глава рецензируемой книги представляет собой изложение правил китайской латинизированной орфографии. Таким образом задачи этой главы заключается уже не в рассмотрении тех или иных отдельных вопросов латинизации, а в разработке конкретных указаний по едва ли не самому основному вопросу латинизации,²⁹ по вопросу о том, как же следует китайским латинизированным алфавитом передавать китайскую речь.

Рассмотрим теперь, к чему приводит академика Алексеева его методология при обосновании им принципов китайской латинизированной орфографии.

В данном конкретном вопросе точка зрения В.М. Алексеева сводится к тому, что понятие китайской орфографии приходится расчленить на два элемента: «элемент написания (применение алфавита) и элемент правописания (организованные приемы)» (стр. 73). Соответственно необходимо установить две системы китайской латинизированной орфографии. Одна из них будет «орфография понятности», другая — «орфография грамматическая», точнее «строго последовательная и основанная на грамматических правилах орфографии».

Эта принципиальная установка академика Алексеева насчет двух систем, одной первичной, другой настоящей, построенной на грамматической основе, есть плод его общей методологии, исходя из которой, орфография есть свод правил для расстановки букв и знаков, свод правил, построенных исключительно на грамматике, которая есть не более как пособие к изучению этой орфографии.

Из этих двух орфографий, по мнению академика Алексеева, первичную надо использовать в практической работе, а «строго последовательную и основанную на грамматических правилах орфографию необходимо временно оставить в состоянии инкубации».

На этом последнем утверждении надо остановиться подробнее, оно показывает, как академик Алексеев считает необходимым на

²⁹ Это признаёт и сам В.М. Алексеев, когда он говорит: «Отсюда важнейшая роль правописания, как второго и самого существенного приёма реформы» (стр. 72).

практике использовать свои системы. Это утверждение есть вместе с тем наиболее яркое свидетельство того, каких взглядов академик Алексеев придерживается по вопросу практического развертывания латинизации, по вопросу о цели всего дела.

Действительно не есть ли утверждение о том, что строго последовательную и основанную на грамматических правилах орфографию необходимо временно оставить в состоянии инкубации, а сейчас надлежит пользоваться «орфографией первичного написания», лишь заключительное звено в общей цепи утверждений академика Алексеева о том, что латинизация китайской письменности предпринята лишь как средство для ликвидации неграмотности? Здесь мы несомненно имеем дело с защитой того положения, что латинизация китайской письменности есть лишь средство для первоначального обучения, есть лишь некий паллиатив, за которым все равно последует обучение иероглифике.

{137} Ведь по сути дела единственный довод за латинизацию, который имеется в книге академика Алексеева, это то, что «ликбез в 40–50 занятий иероглификой не дает никаких ощутимых результатов..., а между тем алфавитный ликбез в течение этого числа занятий своего легко добивается» (стр. 54).

Сугубо неправильным является то решение проблемы китайской латинизированной орфографии, которые дает академик Алексеев и со стороны методологической.

Преподавание на ликпунктах орфографии «первичного написания» или, как уточняет академик Алексеев свой термин, «технически только понятного китайского написания» не поведет не к чему иному, как к созданию орфографической малограмотности и неграмотности. В результате это означает подготовку людей малограмотных, людей, которых на дальнейших ступенях обучения придется переучивать, а это, как известно труднее, чем обучать человека, совсем ничего не знающего.

Китайский ребенок в политехнической школе, китайский рабочий в политехническом ликбезе (и далее во всей системе рабочего образования) будут обучаться не просто технике письма и чтения латинизированного текста. Они будут обучаться общественно-полезным навыкам в области языка, навыкам, среди которых орфография будет составной частью, частью, не оторванной от других разделов изучения языка. Орфография здесь не будет сводом правил, построенных на определенных положениях грамматики, она будет одним из элементов работы по наблюдению над языком.

Даже в частях описательных, для которых существует разработанный современный материал, в частности по вопросу о т. наз. «ли-

тературной революции» 1918 г., в форму которой выливалась борьба китайской буржуазии против феодализма путем реформы языка, академик Алексеев делает серьезные ошибки. С точки зрения академика Алексеева «литературная революция» проделана лично студентом Хуши (sic! — С.Д.) и его сторонниками, будучи повидимому обоснована «эпохой бурного крушения» китайского самосознания и культурной самооценки.

Здесь мы опять видим все ту же буржуазную номенклатуру и то же идеалистическое представление о некоем едином китайском самосознании как ведущей силе. Борьба классов остается за бортом ученых объяснений. Припомним кстати, что когда академик Алексеев пытался однажды сказать «научно» о классовой борьбе (см. его статью в № 4 «Вестника Академии»), то это вылилось в следующие строки: «победа латиницы в Китае будет возможна только тогда, когда *борьба политическая перейдет в борьбу классовую*».

Однако возвратимся к изложению и толкованию «литературной революции» 1918 г. академиком Алексеевым. Хуши почему-то назван ак. Алексеевым студентом, хотя он сам еще в 1923 г. в журнале «Восток» давал его биографию и писал, что родившийся в 1851 г. Хуши, получив степень доктора философии в Колумбийском университете, уже в 1917 г. был *профессором* Пекинского национального университета. Академик Алексеев ни словом не упоминает о другом соратнике Хуши, а именно о Чэнь Ду-сю, представителе национальной буржуазии, который, выступив вслед за Хуши, представлявшим либеральную крупную буржуазию, выдвинул лозунг революции в языке.

Академик Алексеев представляет себе дело так:

«Положение стало слишком неустойчивым, чтобы не вызвать крайностей как слева, так и справа, и около 1922 г. борьба вокруг «литературной» (и даже иероглифической) революции расположила воинствующие лагеря следующим образом... первая партия (слева) — радикальная, вторая партия — фонетического письма, третья партия — неоклассиков, четвертая партия — педагогов и пятая партия — консерваторов...

...Из всех этих партий нас... непосредственно интересуют наиболее радикальные, как наиболее популярные среди китайцев СССР, настроение которых определенно выражено в статье т. Хэ Ба-ху».

{138}Говоря об этом месте из работы академика Алексеева, следует прежде всего исправить допущенную им грубую ошибку, напомним, что борьба за литературную революцию развернулась в 1918–1919 гг., что в 1920 г. новое орудие китайской буржуазии, т. наз.

национальный язык — «гоюй» был уже введен декретом министерства просвещения в программу обучения всех школ и что в 1922 г. на основе победившего языка уже полным ходом идет развитие литературных течений.

Что же касается формального деления буржуазных группировок на радикальную, консервативную, фонетическую, педагогическую и неоклассическую, причем неоклассическая якобы являлось той группой, которая советовала принять за основу опыт Европы, то вся эта мешанина только дезориентирует читателя.

Здесь автору надо было сказать о лагерях буржуазии в разрезе их классовой сущности, в разрезе тех классовых противоречий, которые заставляли буржуазию делиться на лагеря в общей борьбе с феодализмом на этапе буржуазно-демократической революции, но он к сожалению этого не сделал.

Ошибками, подобными вышеприведенным, изобилует вся разбираемая книга. «Научные» объяснения, вроде хотя бы такого, что в истории не китайские национальности подчинялись китайской письменности за неимением своей (как просто разрешается проблема влияний!), встречаются на каждом шагу, подчеркивая полную беспомощность автора в научном объяснении явлений.

Вместе с тем следует отметить также и постоянно встречающиеся противоречивые утверждения. Так в одном месте академик Алексеев проговаривается, что «владение иероглифический языком сильно напоминает владение в XX веке языком Остромирова Евангелия», а во всей книге, как мы видели, проводит усиленную пропаганду за иероглифический язык. В другом месте он пишет, что «китайский иероглифический язык латинизации вовсе не подлежит», а рядом рекомендует в преподавании латинизации вывести латинизацию легкого «вэнь-ли», при чем «латинизация должна преподаваться параллельно иероглифике».

Укажем в заключение на ряд чисто фактических ошибок, допущенных академиком Алексеевым в его книге.

Так автор утверждает, что «при монгольской династии (Юань) расцвели китайские драма и роман». Если это верно в отношении драмы, то в отношении романа это не соответствует действительности, т.к. первые китайские романы, как жанр большой повествовательной формы, относятся только к XIV веку, формируясь из народных легенд, через драму и обновленную новеллу. Отнесение возникновения романа к монгольской эпохе, т.е. к XIII веку, есть лишь повторение ошибочного положения Джайлса и других европейских китаистов. Последние работы китайских и японских исследователей (Чжэн Чжэнь-до, Си Оя) давно это доказали.

Далее, особый жанр китайской литературы «юйлу» характеризуется академиком Алексеевым как «речи сунских философов». На самом деле это особый жанр более ранней буддийской литературы, рассчитанной на широкую массу, которому впоследствии лишь *подражали* сунские философы.

Неверно также утверждение, что «японизация в китайском языке не играет роли варваризмов в русском, ибо все японизмы китайцам понятны из средств их же языка», т.к. зачастую японизм в иероглифической форме, попадая в китайский язык, базируется на японской речи, которую фиксирует случайные иероглифы, и таким образом в китайском виде японизм абсолютно равен варваризму.

Переходя к итогам, мы должны со всей решительностью заявить, что огромное достижение Октябрьской революции — приобщение широких трудящихся масс к науке, лозунг партии и правительства «науку и технику в массы» прошли мимо академика Алексеева.

Само построение книги им рассчитано «с одной стороны, на читавших и размышлявших об этом предмете с научным вниманием и с научной оценкой вещей, с другой же — на читателей, к рассмотрению этой проблемы недостаточно подготовленных» (стр. 2).

Следовательно, по выражению академика Алексеева, «читатель посторонний» (?), «общий читатель» (?) отодвинут на самый последний план. Почему же эта книга имеет право называться научно-популярной? Если она действительно популярна, то мы можем требовать, чтобы, во-первых, «читатель, недостаточно подготовленный» («посторонний»), имел бы возможность ознакомиться со всеми поставленными названием книги вопросами и найти в книге авторитетное и четкое мнение автора по вопросу о *латинизации китайской письменности*.

Ни того ни другого читатель в книге не найдет. Остается только удивляться, как можно, посвятив около 200 страниц латинизации китайской письменности, не объяснить «постороннему читателю», что такое китайский иероглиф и иероглифическая письменность и чем она отличается от латинской письменности. Зато «общественному мнению» (?) о «китайской грамоте» (?) уделено 1½ страницы.

Необходимо также отметить громоздкость слога, чрезвычайно трудно усваиваемую и стремление отгородить науку от «посторонних читателей» необычным количеством совершенно непонятных слов и выражений: «ономотонен» (стр. 17), «оптический ансамбль» (ср. (sic! — С.Д.) 27), «фасад слов», «экзотические архаизмы», «целкупные отстаивания», «демографические методологии», «иероглифическая аккомодация в письменности изобразительности» (стр. 28), «синкретически-международное мировоззрение» и т.д. и т.п. И в

довершение всего эта «научно-популярная» книга оканчивается следующей фразой: «И когда это содержание уточнит своим объемом исторические стенки графического создания веков, осмос совершится уже без труда» (!?).

«Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности» (Ленин), тем более в научно-популярной литературе?

Больше половины книги уделено примечаниям, «рассчитанным на особо любознательных читателей» (стр. 2). Таким «особо-любопытным читателем» в советских условиях может быть широкая масса читателей. Какие же разъяснений получают в примечаниях? Напр. около фамилии т. Страхова (стр. 85) в примечании 172 мы читаем: «Цюй Цю-бо (первый знак Цюй — фамилия — имеет значение: глядеть испуганно). В китайских (??) статьях он известен и под китайской и русской фамилией (сыгулахэфу)» (!). Зачем совершенно дезориентировать читателя непонятной фамилией «Сытулахэфу», которой т. Страхов никогда не подписывался, и переводить никогда непереводимые фамилии?

Отметим еще странное заявление академика Алексева насчет того, что книга является продуктом работы комиссии по латинизации АН. Совершенно недопустимо также то, что академик Алексей прикрывается именем конференции по латинизации, происходившей в 1931 г. во Владивостоке, решения которой, по выражению автора, «являются заключительным и наилучшим аккордом к настоящей книге».

Мы со всей решительностью должны заявить, что рецензируемая книга, так же как и статья в «Вестнике Академии», № 4 (1931 г.) и доклад В. М. Алексева на сессии АН (1931 г.) не имеют ничего общего ни с работой комиссии по латинизации АН ни с конференцией по латинизации и являются исключительно свободным творчеством самого академика Алексева.

Бригада:

Б. Васильев,
А. Драгунов,
Г. Папаян,
А. Поляков,
П. Соколов,
А. Шпринцин.

Приложение II

Personalia

Алексеев Василий Михайлович (1881–1951). Китаевед (литературовед, историк, знаток культуры Китая). Родился в Петербурге. Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1902). Работал и учился в Англии, Франции, Германии (1904–1906), Китае (1906–1909). Профессор (1918), доктор филологических наук (1929). Преподаватель Петербургского / Петроградского / Ленинградского университета (1910–1951), Петроградского (затем Ленинградского) института живых восточных языков (ЛИЖВЯ), Ленинградского Восточного института (ЛВИ) (1920–1938), Географического института, Государственного института истории искусств (1919–1923), Московского института востоковедения (МИВ) (1937–1941). Сотрудник Азиатского музея Академии наук СССР / ИВ АН СССР, заведующий Китайским кабинетом (1930–1951). Член-корреспондент (1923), академик АН СССР (1929). Член Российского императорского географического общества (1911), Американской академии политических и социальных наук (Филадельфия, 1923), Член-корреспондент Государственной библиотеки (Китай, 1929). Член Союза писателей СССР (с 1947). Создатель петербургской / ленинградской синологической школы, крупнейшая фигура в российском академическом китаеведении. См. [Милибанд 2008, кн. 1, с. 31–34].

Ван Ли 王力 (Ван Ляо-и 王了一) (1900–1986). Один из крупнейших лингвистов XX в. Родился в Гуанси. Занимался самообразованием. С 1927 г. учился в университете Цинхуа. В том же году поехал в Париж изучать лингвистику. Защитил диссертацию по фонологии. Вернулся в Китай, преподавал в университете Цинхуа (1932–1939). В 1939–1940 — во Французской школе Дальнего Востока во Вьетнаме изучал вьетнамский язык, что обогатило его исследования по исторической фонологии китайского языка. Преподавал в университете Чжуншань (1946–1948), в университете Линъань (1948–1954), в Пекинском университете (1954–1986). Автор многих работ по истории и грамматике китайского языка, один из создателей теории современной китайской грамматики.

Васильев Борис Александрович (1899–1937), китаист, филолог, литератор. Родился в Петербурге. В 1922 г. окончил этнолого-лингвистическое отделение ФОН Петроградского университета. С 1921 г. — сотрудник Азиатского музея Академии наук СССР / ИВ АН СССР. Один из ближайших сотрудников и друзей В.М. Алексеева. В 1924–1927 гг. находился на дипломатической работе в Китае, покупал книги по поручению библиотеки Азиатского музея. С

1927 г. — преподаватель ЛВИ, с 1928 г. — ЛГУ. Научный сотрудник Института буддийской культуры (1928–1930). В 1931 г. подал заявление в партию, но получил отказ. С 1935 г. кандидат филологических наук, с 1936 г. — профессор. Переводил китайскую классическую литературу (прежде всего роман «Речные заводы»), также занимался современным китайским театром, литературой. Арестован 6 сентября 1937 г., обвинён по ст. 58-1а УК РСФСР («измена родине»). 19 ноября 1937 г. приговорён к расстрелу, казнён 24 ноября 1937 в один день с Невским и рядом других востоковедов. См. [Милибанд 2008, кн. 1, с. 224–225; ЛС — Васильев].

Войтинский (Зархин) Григорий Наумович (1893–1953), советский политический деятель, разведчик, китаевед. С 1918 — член ВКП(б), участник гражданской войны на Дальнем Востоке и в Сибири. В 1920–1927 гг. — на работе в Коминтерне (заведующий Отделом Дальнего Востока), один из организаторов Коммунистической партии Китая. С 1935 г. — доктор экономических наук, профессор. Научный сотрудник Института истории АН СССР (1929–1948), преподаватель КУТВ, ИКП, МИВ, МГУ (1929–1953). См. [Милибанд 2008, кн. 1, с. 259–260].

Деборин (Иоффе) Абрам Моисеевич (1881–1963), философ-марксист. Родился в Упино, Литва. С 1897 г. — участник нелегальных марксистских кружков, в 1903 г. был вынужден эмигрировать. В 1908 г. окончил философский факультет Бернского университета (1908), с 1907 г. — член РСДРП, меньшевик. Был знаком с Лениным и Плехановым. С 1908 г. — в России. Во время революции 1917 г. недолгое время был председателем городского совета в Полтаве. С 1921 г. — глава философского отделения Института красной профессуры. Заместитель по научной части директора Института Маркса и Энгельса (1924–1931), ответственный редактор журнала «Под знаменем марксизма» (1926–1930). С 1928 г. — член ВКП(б). Первый директор Института философии Коммунистической академии (1929–1931), в состав которого вошёл возглавляемый им же с 1924 г. Институт научной философии РАНИОН. Сыграл ключевую роль в травле А.Ф. Лосева. Академик АН СССР (1929, при первой баллотировке провален). В конце 1930 г. попал в опалу как «меньшевистствующий идеалист», был смещён с ряда постов. Профессор (1935), член президиума АН СССР (1935–1945). См. [Деборин 2010].

Драгунов Александр Александрович (кит. Лун Го-фу 龍果夫) (1900–1955), востоковед, лингвист. Родился в Петербурге, в 1925 г. окончил этнолого-лингвистическое отделение Факультета общественных наук (ФОН) ЛГУ, в 1927 г. — аспирантуру Азиатского музея Академии наук СССР (АН). Преподаватель Военной академии

им. Н.Г. Толмачёва (1925–1926, 1935), Ленинградского восточного института, ЛГУ (1928–1942), Ленинской школы Дальневосточного государственного университета, Дальневосточного политехнического института (Владивосток, 1930–1936). Сотрудник Комитета по латинизации китайского языка (1930–1936). Кандидат филологических наук (1935). Старший научный сотрудник (1948). Научный сотрудник АМ / ИВ АН СССР (1928–1939, 1941–1955). См. [Милибанд 2008, кн. 1, с. 441]. О фонде А.А. Драгунова в Архиве востоковедов ИВР РАН см. [Дубков 1991].

Елисеев Сергей Григорьевич (Serge Elisseeff) (1889–1975), востоковед, японист, один из основателей научного востоковедения в США. Родился в Москве, в семье знаменитого купца, хозяина «Елисеевских» магазинов. Учился в Берлинском и Токийском императорском университете (филологический факультет) (1908–1912), был первым европейцем, закончившим его и вообще первым европейцем, получившим высшее образование в Японии. С 1912 по 1914 гг. учился в аспирантуре того же университета. В 1914 г. вернулся в Россию, с 1916 г. — приват-доцент факультета восточных языков Петроградского университета. Одновременно работал переводчиком в МИД, был избран вице-президентом дальневосточной Коммерческой палаты, а также председателем японской секции Общества русских ориенталистов. Преподавал в Институте истории искусств, лето 1916 и 1917 гг. провёл в Японии. После революции 1917 г. Елисеев продолжал преподавать, работал в Азиатском музее Академии наук СССР, участвовал в горьковском проекте Библиотеки всемирной литературы. В 1920 г. был на некоторое время арестован, после освобождения осенью того же года вместе с семьёй покинул страну, через Финляндию и Швецию добрался до Парижа. Там он поступил на службу в музей Гимэ, работал переводчиком в японском посольстве. Чуть позже стал преподавать японский язык и литературу в Сорбонне и Национальной школе живых восточных языков. В начале 1930-х гг. Елисеев с женой получают французское гражданство. В 1932 г. его приглашают в США, он преподаёт в недавно созданном Гарвард-Яньцзинском институте (Harvard-Yenching Institute), в 1934 г. становится его директором, а также возглавляет гарвардский Центр исследований Китая и Японии (Centre for Chinese and Japanese Studies). В 1936 г. Елисеев основал «Harvard Journal of Asiatic Studies» и был его главным редактором до 1957 г. Во время войны Елисеев оказал большую помощь США в качестве организатора подготовки военных переводчиков, был консультантом Стратегической службы в Вашингтоне. В 1944 г. выходит первый в истории США изданный массовым тиражом учебник японского языка для начинающих, одним из

авторов которого был Елисеев. В 1946 г. Елисеев был награждён орденом Почётного легиона. В 1957 г. Елисеев вышел на пенсию и вернулся в Париж. Его сын Никита стал арабистом, сын Вадим (Vadime Elisseeff) (1918–2002) — одним из крупнейших французских специалистов по китайской археологии.

Иванов Алексей Иванович (кит. 伊鳳閣) (1877/78–1937). Китаевед, японист, тангутовед. Родился в Санкт-Петербурге. Учился на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, по китайско-маньчжурскому разряду (1897–1901). Оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Стажировался в Китае (1902–1904), в Англии, Франции и Германии (1904). Приват-доцент Санкт-Петербургского университета (1905), магистр (1909), доктор наук (1913), профессор (1913), зав. кафедрой китайской и маньчжурской словесности (1915). Преподавал на курсах восточных языков Общества востоковедения и в Практической восточной академии (1910–1913) в Петербурге. Одним из первых стал работать с тангутскими документами, привезёнными П.К. Козловым. В 1912 г. был в командировке в Японии, с 1914 г. начал в университете преподавание японского языка. С 1912 г. — сотрудник МИД. С 1920 г. приглашён в советский НКВД переводчиком-информатором, консультантом по Дальнему Востоку. Преподавал в ЛИЖВЯ (1921–1922), в 1922 г. отбыл на дипломатическую работу в Пекин (драгоман посольства). В 1927 г. вернулся в СССР, переехал в Москву, преподавал в МИВ, КУТК (зав. кабинетом китаеведения), работал в Московском отделении Государственной академии истории материальной культуры, отделе Востока Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Заместитель директора НИИ этнических и национальных культур народов Востока СССР при ЦИК СССР (1928–1930), Учёный секретарь и заведующий отделом Дальнего Востока Центрального музея народоведения (с 1929), учёный секретарь Комитета по охране исторических памятников при ВЦИК СССР (с 1932). С 1935 г. — доктор филологических наук, выдвигался для присвоения звания члена-корреспондента АН СССР (февраль 1937 г.). 26.08.1937 арестован, обвинён в шпионаже в пользу Японии, расстрелян 8.10.1937. См. [ЛС. Иванов].

Исихама Дзюнгаро 石濱純太郎 (1888–1968). Филолог, тибетолог, пионер изучения языков и письменностей Восточного Туркестана в Японии. В 1911 г. окончил филологический факультет Токийского университета, преподавал в Киотоском университете, Осацком институте иностранных языков, Кансайском университете. В 1925 г., как считается, первым предложил термин *Dunhuang studies* (*дуньхуан сюэ* 敦煌學). В 1942 г. основал Осацкое общество изучения языка. С 1949 г. профессор Кансайского университета.

Карлгрен Бернхард (Klas Bernhard Johannes Karlgren) (1889–1978). Синолог, лингвист, основоположник сравнительно-исторического изучения китайского языка, исторической фонологии китайского языка, современной текстологии древнекитайских текстов. В 1907–1909 гг. учился в университете в Упсале, изучал русский язык. Затем, заинтересовавшись китайским языком, перевёлся в Петербургский университет, учился у А.И. Иванова. 1910–1912 гг. провёл в Китае, описал 24 диалекта китайского языка. С 1912 г. продолжил учёбу в Париже и Лондоне. В 1915 г. защитил диссертацию «*Études sur la phonologie chinoise*», заложившую основы исторической фонологии китайского языка. Преподавал в университете Гётеборга (с 1915 г.). Главный редактор «*Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*» (1929–1970), директор Восточноазиатского музея в Стокгольме (1939–1959). Автор многих принципиально важных работ по истории китайского языка, текстологии древнекитайских текстов. Кроме того, написал на шведском языке множество научно-популярных работ по истории и культуре Китая, а также три романа под псевдонимом Klas Gullman.

Конрад Николай Иосифович (1891–1970). Востоковед; японист, китаевед. Родился в Риге. Окончил Востфак Петербургского университета и японское отделение Практической восточной академии (1912). В 1914–1917 был на стажировке в Японии. По возвращении некоторое время работал в НКВД, вместе с Е.Д. Поливановым. Преподаватель Киевского коммерческого института (1913–1914), Орловского государственного университета (1919–1923), ЛИЖВЯ (1922–1938), Института красной профессуры (1934–1936), МИВ (1941–1950). С 1931 г. — сотрудник ИВ АН СССР, заведовал Японским кабинетом. Профессор (1926), член-корреспондент (1930), доктор филологических наук (1934), академик АН СССР (1958). 29.06.1938 арестован, обвинён в шпионаже в пользу Японии. Подвергался пыткам, 10.11.1939 приговорён к пяти годам ИТЛ за измену Родине (ст. 58, п. 1а), отправлен в Канск; затем переведён в тюрьму в Москве, где переводил трактат «Сунь-цзы». Освобождён 8.09.1941 г., был в эвакуации в Ташкенте. После возвращения жил в Москве. Сыграл большую роль в переносе основной базы ИВ АН СССР из Ленинграда в Москву. Автор многих работ о Японии и Китае. Первым в советской науке предложил концепцию «восточного ренессанса», работал над изучением параллелей в историческом и культурном развитии Запада и Востока. Главный редактор «Большого японско-русского словаря» (1970). Глава редколлегии серии «Литературные памятники» (1962–1970). Был одним из главных публикаторов неизданных работ своих репрессированных коллег. См. [Милибанд 2008, кн. 1, с. 678–681; ЛС. Конрад].

Крачковский Игнатий Юлианович (1883–1951). Арабист, один из создателей российской арабистики. Родился в Вильно (ныне Вильнюс, Литва). Окончил Факультет восточных языков Петербургского университета по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду (1901–1905). Преподаватель Петербургского / Петроградского / ЛГУ (с 1910 г.), ЛИЖВЯ / ЛВИ, с 1944 — заведующий арабской кафедрой Восточного факультета ЛГУ. Сотрудник Азиатского музея АН СССР / ИВ АН СССР (с 1916 г.). Доктор филологических наук, академик АН СССР (1921). Член Арабской академии (Дамаск), Королевского азиатского общества (Великобритания), Польской АН (Краков), Фламандской академии (Брюссель), почётный член Немецкого востоковедческого общества. Научный сотрудник Азиатского музея — ЛО ИВ АН СССР, заведующий арабским кабинетом. См. [Милибанд 2008, кн. 1, с. 717–721].

Марр Николай Яковлевич (1864–1934). Востоковед, археолог, филолог, лингвист. Родился в г. Кутаиси. В 1888 г. окончил Факультет восточных языков Петербургского университета, стажировался в Германии и Италии (1894–1896). Доктор словесности (1901), профессор (1902). Преподаватель Петербургского / Петроградского / Ленинградского университета (1891–1934). Руководитель раскопок в г. Ани (1892, 1904–1917). С 1909 г. — адъюнкт по Историко-филологическому отделению АН, академик (1912). Председатель Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) (с 1919 г.). В 1923 г. выдвинул т.н. «новое учение о языке» («яфетическую теорию»), предложив новую концепцию формирования языков, резко противоречившую положениям современной ему лингвистики, но опиравшуюся на марксистскую концепцию формаций. В 1921 г. Марр создал в Петрограде Яфетический институт, позднее — Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра (ныне Институт лингвистических исследований РАН и Институт языкознания РАН). Директор Публичной библиотеки (1924–1930). Вице-президент АН СССР (с 1930). После смерти Марра его теория была единственной официально признаваемой, но большинство его учеников лишь маскировало марровской терминологией свои вполне научные исследования. В 1950 г. Сталин в работе «Марксизм и вопросы языкознания» неожиданно развенчал теорию Марра, его имя было предано забвению. После 1956 г. был признан ряд его объективных заслуг. В целом, деятельность Марра и его последователей нанесла немалый вред российскому языкознанию. См. [Милибанд 2008, кн. 1, с. 873–878].

Муратов Хасан Исхакович (1905 (или 1907 — согласно описи его фонда в АВ ИРВ, см. фонд 98)–1941), тюрколог. Родился в Баку. В 1918–1924 гг. — рабочий на нефтепромыслах (слесарь), затем то-

карь. Служил в Азербайджанской стрелковой дивизии (1922–1923). С 1922 г. — член комсомола, с 1925 г. — член ВКП(б). 1924–1927 — учился в Закавказском краевом Комвузе, в 1927–1928 служил в Московской стрелковой дивизии. В 1928–1931 гг. — на учёбе в МИВ (ближневосточный факультет). В 1931–1932 гг. — управляющий, затем первый секретарь консульства в Карсе, Турция. В 1932 г. — слушатель московского Института красной профессуры, вскоре перевёлся в аналогичный институт в Ленинград, на историческое отделение; окончил в 1935 г. Одновременно преподавал в ЛГУ, ЛВИ. С 1935 г. — сотрудник, с июня 1936 г. — учёный секретарь, парторг ИВ АН СССР, заместитель секретаря парткома Ленинградских учреждений АН СССР, преподавал в ЛИФЛИ и ЛВИ. В июне 1938 г. выдвинут на пост зам. директора ИВ АН, но не был утверждён Президиумом, после чего неоднократно подавал заявления об уходе с поста учёного секретаря. 11.11.1938 арестован, обвинён по ст. 58-10, 11 УК РСФСР (организационная деятельность в области антисоветской пропаганды), но 19.12.1938 освобождён и реабилитирован, 29.12.1938 восстановлен в должности учёного секретаря ИВ АН СССР, но в январе 1939 г. ушёл с должности, оставшись научным сотрудником, в мае 1939 г. со скандалом (руководство ИВ АН пыталось уволить его «по статье» как злостного нарушителя трудовой дисциплины) перешёл в сектор колониальных и зависимых стран Ленинградского отделения Института истории АН СССР. В апреле 1941 г. уволился по собственному желанию, в июле призван в армию, инструктор пропаганды полка. В сентябре 1941 г. пропал без вести. См. [Румынская; ЛС. Муратов].

Невский Николай Александрович (кит. 聶歷山) (1892–1937). Лингвист, этнограф, историк, японист, один из пионеров тангутоведения. Родился в Ярославле. В 1909 г. поступил в Санкт-Петербургский технологический институт. Через год перешёл на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1914 по китайско-японскому разряду. Ученик В.М. Алексеева, А.И. Иванова и Л.Я. Штернберга. В 1915 г. послан на стажировку в Японию, где остался после революции 1917 г. Пионер изучения языка и фольклора айнов, коренного населения Окинавы, тайваньских аборигенов (*цзоу*). Автор ряда работ по японскому фольклору. С 1922 г. преподавал русский язык в Осакском институте иностранных языков. В 1929 г. вернулся в СССР, где хранились почти все доступные тангутские тексты. Доктор наук (1935). Работал в ИВ АН СССР (с 1929 г.), Государственном Эрмитаже (с 1934 г.), в ЛГУ и ЛВИ (1929–1936), писал работы по тангутоведению, подготовил учебник японского языка. В октябре 1937 г. арестован, 19.11.1937

осуждён «за измену родине» (ст. 58, п. 1а; как «организатор японской шпионской сети»). 24.11.1937 расстрелян вместе с женой. См. [Милибанд 2008, кн. 2, с. 18–20; ЛС. Невский].

Ольденбург Сергей Фёдорович (1863–1934), востоковед, индолог, буддолог, искусствовед, археолог, исследователь древностей Восточного Туркестана. Родился в с. Бянкино Забайкальской области. В 1885 г. окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, стажировался за рубежом. Преподаватель Петербургского университета / Петроградского университета / ЛГУ (1889–1934). Профессор (1897). Экстраординарный академик (1903), действительный член (1908) АН. Непременный секретарь, и.о. вице-президента Императорской АН / Российской АН / АН СССР (1904–1929). Директор Азиатского музея / Института востоковедения АН СССР (1916–1934). См. [Милибанд 2008, кн. 2, с. 65–68].

Папаян Гайк Кегамович (1901–1937). Родился в Тифлисе, член РКП(б) с 1920 г. Окончил китайское отделение ЛИЖВЯ / ЛВИ в 1929 г. В 1926 г. находился на стажировке в Китае. Парторг (1930–1931), учёный секретарь (1933–1936) ИВ АН СССР. В 1935 г. — секретарь парткома АН СССР. Сторонник концепции «азиатского способа производства». 23.12.1936 осуждён на 10 лет лагерей с поражением в правах и конфискацией имущества. Отбывал срок на Соловках. 10.10.1937 приговорён к высшей мере наказания, расстрелян 4.11.1937 в урочище Сандармох в Карелии. См. [ЛС. Папаян].

Поливанов Евгений Дмитриевич (1891–1938), японист, китайист, тюрколог, один из крупнейших лингвистов XX в. Родился в Смоленске. Окончил Практическую восточную академию по японскому разряду (1912), историко-филологический факультет Петербургского университета (1912), учился у И.А. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы. В 1914, 1915, 1916 гг. ездил в Японию, изучал разные диалекты японского языка, прежде всего фонетику. В 1914 вошёл в число основателей ОПОЯЗа (Общество изучения поэтического языка, или Общество изучения теории поэтического языка) — объединения филологов и лингвистов т.н. «формальной школы». Преподаватель Петроградского университета (1915–1921). В 1917 примкнул к левым меньшевикам, возглавил отдел печати МИД Временного правительства. В ходе Октябрьской революции перешёл к большевикам и с ноября 1917 г. был одним из двух заместителей наркома иностранных дел Л.Д. Троцкого. В 1918 г. из-за конфликта с Троцким покинул НКВД, вернулся к науке и преподаванию. С 1920 г. — профессор. В 1921 послан Коминтерном в Ташкент для работы в законспирированном отделе по линии Синьцзяна и дунган. Преподаватель Среднеазиатского государственного университета, Турке-

станского восточного института (1921–1926). Был замом председателя Государственного учёного совета Туркеспублики. Занимался проблемами тюркских языков, в т.ч. латинизацией их алфавитов. Читал лекции в Москве, Владивостоке. В 1926 вернулся в Москву, работал заместителем начальника Дальневосточного отдела Коминтерна, заведовал восточным сектором в Коммунистическом университете трудящихся Востока (1926–1929), председатель лингвистической секции Института языка и литературы Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), заместитель председателя Государственного учёного комитета при Наркомпросе Туркестана (1926–1931). В 1929 г. выступил с критикой «нового учения о языке» Марра, после чего подвергся травле. Был вынужден уехать в Самарканд (с 1931 г. — в Ташкент, с 1934 г. — во Фрунзе (ныне Бишкек)). Научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института культурного строительства, преподаватель ВУЗов Ташкента, Самарканда, Фрунзе (1931–1937). После 1930 не мог публиковать свои работы в Москве и Ленинграде. Изучал дунганский язык и переводил киргизский эпос «Манас». В 1937 г. арестован, вывезен в Москву. В 1938 осуждён за измену родине и терроризм в составе организованной группы (ст. 58-1а, 58-8 и 58-11 УК РСФСР; в ходе следствия из него также были выбиты показания о шпионаже в пользу Японии) и расстрелян на полигоне «Коммунарка». См. [Милибанд 2008, кн. 2, с. 172–175].

Поляков Александр Сергеевич (1906–1940). Китаист-историк. Родился в Москве. В 1923–1925 гг. учился в МИВ. Преподаватель МИВ (1925–1927), Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе (1926–1927). Научный сотрудник Международного аграрного института (с 1927 г.), референт Крестьянского интернационала. В 1928 г. арестован как контрреволюционер, заключён в Тобольский изолятор на 3 года. 25.1.1929 арестован вновь, осуждён ещё на 3 года как троцкист. 26.7.1929 освобождён после подачи заявления о разрыве с троцкистской оппозицией, переехал в Ленинград. Преподавал в ЛИФЛИ и ЛВИ (с 1929 г.), поступил в аспирантуру ИВ АН СССР. С 1932 г. — сотрудник ГАИМК, с 1935 г. — ИВ АН СССР. Участвовал в дискуссиях об «азиатском способе производства», работал с китайскими текстами, обнаруженными на горе Муг в числе согдийских находок. 6.2.1935 вновь арестован как бывший зиновьевец, 10.2.1935 приговорён к ссылке в Якутск. Умер в ссылке. См. [ЛС. Поляков].

Поппе Николай (Николас) Николаевич (1897–1991), монголовед, тюрколог лингвист. Родился в Китае, в г. Янтай (Чифу), в семье консульского работника. В 1921 г. окончил монгольское отделение факультета общественных наук Петроградского университета, ученик

Б.Я. Владимирцова. С 1920 г. преподавал в ПИЖВЯ, работал лаборантом в Институте географии. С 1923 г. преподаватель Петроградского университета (с 1928 г. профессор), работал в Азиатском музее (с 1931 г. — заведующий Монгольским кабинетом). С 1933 г. — член-корреспондент АН. Много времени проводил в экспедициях, особенно в Бурятии. В начале войны оказался на Кавказе, где дождался немецкую армию. В 1943 г. выехал в Германию, работал в информационных органах Третьего рейха. После войны несколько лет провёл в подполье в советской зоне оккупации, в 1949 г. эмигрировал в США, до 1968 г. был профессором в Университете штата Вашингтон (Сиэтл), много публиковался до последних лет жизни. Иностраннный член Финской академии наук (1968, 1977) [Алпатов 1996].

Скачков Пётр Емельянович (1892–1964), китаист, библиограф. Родился в Петербурге. Участник гражданской войны, в 1920 г. — начальник оперативного отдела штаба помощника главкома по Сибири. В 1921 г. пытался поступить на Восточное отделение Академии Генштаба, но как беспартийный не был принят. В 1922 г., после демобилизации, поступил в ПИЖВЯ / ЛИЖВЯ, окончил в 1925 г. В 1925–1928 гг. — в Китае, в Калганской группе военных советников. С 1929 г. заведовал библиотекой и преподавал в ЛВИ, учился в аспирантуре. С 1930 г. сотрудник ИВ АН СССР. Кандидат экономических наук (1935). Арестован 12 февраля 1937 г., приговорён к 10 годам заключения, отбывал срок на Колыме. Освобождён в 1946 г., оставлен работать в отделе кадров Дальстроя. 25.1.1949 арестован вновь, сослан в Красноярский край (деревня Данилки Тасеевского района), работал счетоводом, преподавал бухгалтерский учёт в школе. В 1954 г. реабилитирован, с 1955 г. — в ЛО ИВ АН. В 1960 г. издал главный труд своей жизни — до сих пор непревзойдённую «Библиографию Китая». Старший научный сотрудник (1962). См. [Милибанд 2008, кн. 2, с. 359–360; ЛС. Скачков].

Софронов Михаил Викторович (р. 1929). Лингвист-структуралист, специалист по истории китайского языка, автор единственной в мире грамматики тангутского языка. Родился в Ленинграде. В 1952 г. окончил Восточный факультет ЛГУ. В 1957–1970 гг. — сотрудник Института востоковедения АН СССР. Доктор филологических наук (1970), профессор (1994). В 1970–1994 гг. — сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР / РАН. С 1970 г. — преподаватель кафедры китайской филологии Института восточных языков при МГУ (с 1972 — Институт стран Азии и Африки МГУ). См. [Милибанд 2008, кн. 2, с. 398–399].

Федоренко Николай Трофимович (1912–2000), дипломат, чиновник, китаист. Родился в Пятигорске, в 1934 г. окончил МИВ.

Доктор филологических наук (1943), профессор (1955). Член-корр. АН СССР (1958). Член Союза писателей (с 1970), секретарь (1971–1988). Сотрудник МИД (1939–1968), Чрезвычайный и полномочный посол (1951), сотрудник посольства в Китае (1940–1948, 1950–1952), зам. министра (1955–1958), посол СССР в Японии (1958–1962), постоянный представитель СССР в ООН и в Совете безопасности (1963–1968). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1967), преподаватель ИСАА МГУ (с 1969). Главный редактор журнала «Иностранная литература» (1970–1988). См. [Милибанд 2008, кн. 2, с. 533–535].

Флуг Константин Константинович (1893–1942), китаевед, специалист по китайской книге. Родился в Петербурге. В 1927 г. окончил Факультет языка и материальной культуры ЛГУ. Кандидат филологических наук (с 1935). Научный сотрудник Азиатского музея Академии наук СССР / ИВ АН СССР (с 1925 г.). Погиб в блокаде Ленинграда. См. [Милибанд 2008, кн. 2, с. 551–552].

Холодович Александр Алексеевич (1906–1977), лингвист, специалист по японскому и корейскому языкам. Родился в Кронштадте. В 1926 г. окончил факультет языка и материальной культуры ЛГУ. Преподаватель Ленинградского института филологии, литературоведения и истории ЛГУ (с 1930), МГУ (1936–1937). Доктор филологических наук (1949), профессор (1951). Научный сотрудник Института речевой культуры (1936–1942), Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (1946–1950, 1962–1977), руководил группой структурно-типологического изучения языков. В начале карьеры находился под влиянием идей Марра, к концу жизни выступал как смелый новатор и сторонник популяризации идей западной лингвистики. Основатель петербургской типологической школы. См. [Милибанд 2008, кн. 2, с. 581–582].

Чжао Юаньжэнь 趙元任 (1892–1982). Лингвист, фонетист, диалектолог. Родился в Тяньцзине. В 1910 г. поехал учиться в США за счёт средств, выделенных США из т.н. «боксерской» контрибуции. Учился математике и физике в Корнелльском университете, где подружился с Ху Ши. Увлёкся философией, получил степень доктора философии в Гарварде (1918). В 1920 г. вернулся в Китай, преподавал в университете Цинхуа. В 1921 г. уехал в США, преподавал в Гарварде до 1925 г., затем снова работал в Цинхуа. Один из создателей системы латинизации китайского языка *гоюй ломацзы* 國語羅馬字 (1925–1926). С 1926 г. изучал китайские диалекты (прежде всего группы у), участвовал в переводе на китайский труда Б. Карлгрена «Études sur la phonologie chinoises» (впервые вышла в Европе в 1915 г., дополненное издание — в 1926 г., китайский перевод издан в 1940 г.). В 1938 уехал в Америку, стал гражданином США (1954).

Преподавал в Калифорнийском университете в Беркли (1947–1960), профессор (1952). В 1968 г. вышел его главный труд — «A Grammar of Spoken Chinese». Считался одним из тончайших знатоков китайского языка и культуры. В 1973, 1981 гг. посетил КНР по приглашению Дэн Сяо-пина. Умер в Кембридже, Массачусетс.

Шпринцин Александр Григорьевич (1907–1974), китаист, лингвист. Родился в Петербурге. В 1929 г. окончил восточный цикл факультета языкознания ЛГУ. Преподаватель ЛГУ, научный сотрудник Тихоокеанского комитета (1929–1938), ИВ АН СССР (1930–1938), создатель собственной системы латинизации китайского языка. Арестован в конце 1938 г., в заключении на Колыме и Дальнем Востоке до 1952 г., в ссылке до 1957 г., работал переводчиком при штабе Дальневосточного военного округа. По возвращении сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского геологического института (переводчик в отделе научно-технической информации), Восточной комиссии Географического общества СССР (с 1958 г.). См. [Милибанд 2008, кн. 2, с. 680; ЛС. Шпринцин].

Штукин Алексей Александрович (1904–1963). Китаевед-филолог, переводчик. Родился в Петербурге, учился в школе, где читал лекции В.М. Алексеев. Окончил Восточный факультет ЛГУ (1925). Работал в отделе китайских ксилографов при библиотеке ЛГУ (1924–1925), библиотеке ЛИЖВЯ. Преподавал в ЛВИ и ЛИФЛИ (1925). Жил в Москве, работал в КУТК (ассистент) (1925–1928). В 1928 вернулся в Ленинград, преподавал в ЛВИ. Сотрудник Китайского кабинета ИВ АН СССР (с 1935 г.). Арестован 31.07.1938. 26.07.1939 приговорён за «контрреволюционную деятельность и шпионаж» (ст. 58, пп. 1, 6) к 5 годам лагерей. В 1946 г. вышел из лагеря, в 1947 г. получил разрешение выехать из Магадана в Ленинградскую область, преподавал в сельских школах под Лугой и Тихвином, продолжая главное дело своей жизни — перевод «Ши цзина» («Канон стихов»), работу над которым начал ещё в начале 1930-х. В феврале 1949 г. переведён в вепскую деревню в 85 км от Тихвина. 17.06.1949 снова арестован (по тем же статьям) и сослан в Норильск. Освобождён в 1954 г., стал преподавать в ЛГУ, но осенью 1954 г. перенёс инсульт, был частично парализован. Выучился писать левой рукой и завершил перевод (вышел из печати в 1957). См. [Милибанд 2008, кн. 2, с. 682–683; ЛС. Штукин].

Щерба Лев Владимирович (1880–1944). Языковед, славист, лексикограф, фонетист. Один из создателей современной лингвистики, основатель Ленинградской фонетической школы. Родился в г. Игумен (ныне Червень) Минской губернии, в 1898 г. поступил на естествен-

ный факультет киевского Университета св. Владимира. В 1899 г. переехал в Петербург, перевёлся на историко-филологический факультет Петербургского университета, который окончил в 1903 г. Ученик И.А. Бодуэна де Куртенэ. Преподавал русский язык в 1-м кадетском корпусе, Петербургском учительском институте, заведовал кабинетом экспериментальной фонетики (в 1909 г. на его основе была создана лаборатория экспериментальной фонетики, которая ныне носит имя Л.В. Щербы). В 1906–1907 гг. изучал новейшие тенденции в языкознании в Лейпциге и Северной Италии, занимался тосканскими и лужичанскими диалектами. В 1907–1909 гг. — в Париже, занимался фонетическими экспериментами в лаборатории Ж.-П. Руссло (Коллеж де Франс), на обратном пути в Россию некоторое время провёл в Праге. Член международной федерации фонетистов (1907). С 1909 г. — приват-доцент Петербургского университета. Доктор наук (1915), профессор (1916). Также преподавал на Высших женских курсах, курсах иностранных языков Бобрищевой-Пушкиной, в Институте живого слова, Институте истории искусств, женской гимназии А.П. Шуйской. В 1920 г. организовал при Петроградском университете Лингвистическое общество. В 1921 г. участвовал в создании письменности коми. Член-корреспондент (1923), академик АН СССР (1943). Член Парижского института по изучению славянских языков, Парижского лингвистического общества, Парижской ассоциации преподавателей современных языков, Словарного архива. Изучал широкий круг вопросов языкознания: синтаксис, грамматика, взаимодействие языков, научная организация словарей и т.п. С 1941 г. в эвакуации в Кировской области, в 1943 г. переехал в Москву, был сотрудником Института русского языка АН СССР. См. [Волков и др. 2017, т. 3, с. 608–611].

Щербатской Фёдор Ипполитович (1866–1942). Крупнейший индолог, буддолог, тибетолог, создатель русской школы буддологии. Родился в Кельце (Польша). Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1889). Ученик И.П. Минаева. Был командирован университетом за границу, учился в Венском университете, в 1893 г. вернулся в Россию. Вместе с С.Ф. Ольденбургом основал в 1897 книжную серию *Bibliotheca Buddhica*. Преподаватель Петербургского / Петроградского / Ленинградского университета (1900–1930), с 1912 г. — профессор по кафедре санскритской словесности. В 1900 и 1905 гг. посещал Монголию, в 1907 г. — Бурятию, в 1910–1911 гг. — Индию. В 1928–1930 гг. — директор Института буддийской культуры (ИНБУК). Заведующий Индо-тибетским кабинетом Института востоковедения АН СССР (1930–1942). Член-корреспондент (1910), академик АН (1918). Член-корреспондент Гёт-

тингенского научного общества (1931), почётный член Королевского азиатского общества (Великобритания, 1932), Немецкого общества восточных стран (1934), Азиатского общества (Франция, 1934). В 1937 г. подвергся резкой критике, многие его ученики были репрессированы. Умер в эвакуации, в с. Боровое (Казахстан). См. [Милибанд 2008, кн. 2, с. 690–692; Волков и др. 2017, т. 3, с. 611–614].

Щуцкий Юлиан Константинович (1897–1938), китаист, вьетнамист, философ, ученик В.М. Алексеева. Родился в Екатеринбурге, в польской дворянской семье. В 1922 г. окончил этнолого-лингвистическое отделение ФОН Петроградского университета. С 1920 г. работал в Азиатском музее Академии наук СССР / ИВ АН СССР. Преподавал в ЛИЖВЯ, ЛВИ, ЛГУ (1922–1937). Сотрудник Государственного Эрмитажа (1936–1937). Первым в России начал преподавание вьетнамского языка и кантонского диалекта. Перевёл на русский язык «И цзин» (издано в 1960). 3.08.1937 арестован, 18.02.1938 расстрелян за связь с подпольными кружками «тамплиеров» (организация террористических групп, ст. 58, п. 8, 11). См. [Милибанд 2008, кн. 2, с. 693–694; ЛС. Щуцкий].

Яхонтов Сергей Евгеньевич (1926–2018). Китаевед-лингвист. Родился в Ленинграде. В 1950 г. закончил Восточный факультет ЛГУ, к.филол.н. (1954). Один из создателей Ленинградской / Петербургской школы сино-тибетского языкознания. С 1954 г. — преподаватель кафедры китайской филологии Восточного факультета ЛГУ / СПбГУ, доцент (1956). Один из крупнейших специалистов по истории китайского языка. См. [Милибанд 2008, кн. 2, с. 731–732].

*Sergey Dmitriev**

Alekseev and Dragunov: on Relationships in Tough Times

ABSTRACT: Article is consecrated to bicentennial of Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences and in the same time to the 80th anniversary of so called “big terror” — the worst time in the history of Russian oriental studies. Objective is to track a story of relationships of two great sinologists — Vasilii Alekseev and Aleksandr Dragunov which were formed on the background of the most tough period of Russian history.

KEYWORDS: Alekseev, Dragunov, Chinese studies, Tangut (Xi Xia) studies, Chinese language, state terror

* Sergey V. Dmitriev, PhD (History), Senior Researcher, China Department, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia; Email: sdmitriev@ivran.ru